

Н А Т А Л Ь Я
АНДРЕЕВА

КАПКАН

НА МЕЧТУ

АКТУАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Наталья Вячеславовна Андреева

Капкан на мечту

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8643752*

Капкан на мечту: АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-087919-9

Аннотация

Семейная жизнь сделала Ульяну несчастной. У нее есть все, и нет радости: муж так много пьет и так дико ревнует, что хочется порой только одного – его смерти.

Но кто ей поможет обрести свободу? Разве что такой же несчастный человек, как и она сама!

Они протянут друг другу руку помощи и... разойдутся в разные стороны.

Не каждому удастся осуществить свою мечту, порой долгожданная свобода загоняет тебя в новую клетку.

Содержание

Десять метров в секунду	4
Штормовое предупреждение	30
Мечта Ульяны	44
Два метра в секунду	58
Мечта Юлия	73
Пять метров в секунду	86
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Наталья Андреева

Капкан на мечту

Десять метров в секунду

Едва только Ульяна увидела в Инете прогноз погоды на завтра, сразу поняла: будут проблемы. Грозы не ожидается, но ветер порывистый, сильный. Десять метров в секунду. Это значит, что в открытом море яхту начнет мотать из стороны в сторону, качка будет приличной и у мужа опять появится повод надраться. Мол, все равно мы потонем, могу я перед смертью, в последний раз, для храбрости, в аду ведь гореть, и так далее... Попробуй тут возрази! В море всякое бывает, Ульяна и сама выпьет немного вина, для храбрости. Людей северных, сухопутных, хотят они того или нет, оторопь берет, когда они не видят берега. Да еще и WI-FI нет. Планшет умер, телефон молчит. Куда ни глянь – разливается бездонная синева, которая при сильном ветре на глазах густеет и становится цвета грозовой тучи, да еще и шипит на непрощенных гостей барашками бурных волн, раздраженно плюется в яхту соленой пеной. Того и гляди потопит.

Мамочки, где мы?! Край света, если он есть, похоже, там, где небо сливается с морем. А на краю света не помогут никакие гаджеты, да и от спасательных жилетов толку мало, ну,

сколько можно продержаться в такой вот холодной воде? Ноги сводит судорогой, сердце стынет от холода и страха, руки немеют. А шлюпки здесь что-то не видно. Яхта маленькая, сама немногим больше шлюпки, только одно название, что яхта. В бескрайних морских просторах она кажется детской игрушкой, волна швыряет ее, как щепку, словно забавляется. Обветренные и просоленные морем мужики из команды ни слова не говорят по-русски, да и английский их почти не поймешь, и все время улыбаются. Все, мол, о'кей. Они и тонуть будут улыбаясь. По их непроницаемым бронзовым лицам невозможно понять, все ли действительно о'кей? Или пора надевать спасательные жилеты и молиться?

Ульяна на минуту представила себе завтрашнюю экскурсию на острова и содрогнулась от ужаса и отвращения. Жорик еще не протрезвел после вчерашнего. А вчера его внесли в номер, словно бы это не человек, а бесчувственное бревно. Сгрузили на кровать и сказали дежурное:

– О'кей!

Невозмутимые официант и охранник из отельного ресторана все с той же приклеенной улыбкой, как у всех тех, кто обслуживает русских туристов, взяли у мадам щедрые чаевые и ушли за следующим клиентом. Хотя больше Жорика здесь вряд ли кто пьет. Отдыхающие смотрят на красивую русскую сочувственно, а сама мадам уже устала краснеть за мужа. На все ее упреки Жорик лишь огрызается:

– Я на отдыхе! Могу себе позволить?

Да если бы он позволял себе лишнего только на отдыхе!

Ульяна покосилась на храпящего супруга. Интересно, вечером он опять пойдет в бар или все же побережет себя для завтрашней экскурсии? Ульяна изо всех сил пыталась Жорика хоть чем-нибудь увлечь, чтобы оторвать его от соски, то бишь от бутылки с виски. Да, работа, бизнес, трудности кризиса и все такое. Но кому сейчас легко? И можно найти отдушину не только в алкоголе, расслабиться как-то по-другому. В волейбол бы поиграл, а сил нет, так хоть в шахматы! Сходил бы на массаж, почитал книжку. Сколько можно пить?

Она тяжело вздохнула. На пляж, что ли, пойти? Жорик, скорее всего, проспит до ужина. С утра у мужа было опохмел-пати, он еле терпел до того момента, когда открылся первый бар. И так каждый раз.

Она все-таки пошла на пляж. А когда вернулась, то поняла, что зря это сделала: Жорика в номере не было. Разумеется, муж оказался в ближайшем баре!

– У нас завтра экскурсия, – напомнила Ульяна.

Ее тут же обложили трехэтажным матом, а в заключение «любящий» супруг заявил:

– Можешь поехать одна.

Она вздрогнула: ну уж нет! Оставить его здесь одного?! В открытом море хотя бы баров нет, а крепкого спиртного на яхте не наливают, Ульяна узнавала у гида, втайне от Жорика, разумеется. Муж пребывает в счастливом неведении, что

на вип-яхте все включено. Ульяна стиснула зубы, дав себе слово затащить мужа на экскурсию, чего бы это ни стоило. А вдруг ему там станет плохо? И он начнет блевать и захлебнется рвотными массами. Или на солнце перегреется. С похмелья-то! И Жорика, хвала тебе создатель, хватит удар...

Она мечтательно закрыла глаза. Увы! Муж был чертовски везуч! Именно про таких и говорят: пьяных боженька бережет. А что больше всего бесит, к такой слабости, как выпивка, все относится с пониманием. Когда в рождественские каникулы Жорика выносили из самолета в Шарм-эль-Шейхе, в стельку пьяного, его мимо всех очередей пронесли на паспортный контроль. Миграционную карту арабы заполнили сами и БЕСПЛАТНО! Даже за визу денег не взяли, сказав за Жорика: онли Синай (только Синай). В самом деле, куда господин Схованский в таком виде дальше Синайского полуострова? Маршруты экскурсий Жорика лежат исключительно к местным барам, а круиз ему предстоит по разливанному морю виски.

Ульяна с пылающими щеками шла за своим нареченным бревном, которого бережно поддерживали под мышки два здоровенных араба. При этом Жорик, приходя временами в сознание, называл их макаками бесхвостыми и матерился. Что удивительно, огромная очередь безропотно молчала, а арабы улыбались! Когда супруги Схованские добрались до своего отеля и Жорика сгрузили на кровать, Ульяна с тайной надеждой обшарила его карманы. Должна же быть цена та-

кому вниманию и терпению? Наверняка обчистили. Что бы вы думали? Из распухшего от долларов бумажника мужа не пропало ни единой купюры!

И так всегда. Из любого запоя, даже самого черного, Жорик Схованский выходил с минимальными потерями. Но Ульяна не теряла надежды. Должен же когда-нибудь наступить тот самый светлый день, день свободы?

«Десять метров в секунду...» – она прикрыла глаза и задувалась. А когда Жорик всхрапнул и, перевернувшись на бок, сладко причмокнул во сне, покосилась на супружескую кровать со все возрастающей ненавистью: «Чтоб ты сдох, скотина!»...

...Сонный Жорик послушно дал отвести себя к минивэну, где, устроившись на заднем сиденье, тут же завалился на бок, положив голову Ульяне на колени, и захрапел. Сидящая впереди дородная дама с затейливой прической обернулась и посмотрела на супругов Схованских с неприязнью.

«Подумаешь, цаца!» – зло подумала Ульяна и уставилась на залитый лаком валик темных волос, из которого торчал разукрашенный стразами черепаховый гребень. Престарелая Кармен была обвешана драгоценностями и накрашена так, словно бы ехала не на морскую экскурсию, а в ресторан на корпоратив. А еще на даме, несмотря на ее полноту, было надето чудовищное платье с яркими принтами, огромными алыми маками.

Еще садясь в автобус, Ульяна невольно подумала о сво-

ей попутчице: какое кричащее уродство! Многим женщинам полнота к лицу. Да и сама полнота не криминал, все люди разные, одним повезло с обменом веществ, другим нет. Бывали времена, когда худоба считалась дефектом, и неизвестно еще, что дальше войдет в моду? Но бывает такая полнота, которая называется нездоровой. При одном только взгляде становится понятно: человек серьезно болен. Вот и эта дама выглядела нездоровой: лицо одутловатое, бедра поистине слоновьи, в бюстгальтере еле-еле умещаются два немаленьких арбуза, тройной подбородок упирается в охватившее обручем мощную шею золотое кольцо. При всем при этом затейливая прическа, вечерний макияж с утра и маки! Не просто уродство, а кричащее уродство! Сидящего рядом с ней мужчину Ульяна поначалу даже не заметила. Он сидел тихо, как мышь, даже когда его жена начала визжать на крутых поворотах.

А у той буквально началась истерика, хотя Ульяна в толк не могла взять, что такого особенного происходит? Обычная горная дорога, просто потому, что это остров. Серпантин вдоль скалистого побережья, откуда открываются прекрасные виды. Дорога не самая крутая и далеко не самая опасная. И водитель профи, едет очень аккуратно. Это ведь Европа, у них за всем следит профсоюз, и все дорожат работой, которая, как они сами говорят, с апреля до сентября. А потом – мертвый сезон и томительное ожидание следующего апреля. Водитель прекрасно говорит по-русски и старается, чтобы

пассажиров поменьше трясло, это видно. Тем не менее дама в маках заорала «Ой, мамочки!» так, что Жорик проснулся. Сел и удивленно начал моргать: а что происходит?

– Убийцы! – заорала дама, когда минивэн остановился. И тут же – Где море?! Где яхта?!

– Сейчас вы пересядете на другой автобус, мадам, – вежливо пояснил водитель, – и поедете в порт.

– Как на другой?! Почему на другой?! – разгневалась женщина. – Почему меня не предупредили, что ехать так далеко?! Почему не сказали, что будет два автобуса?!

Она так орала, что Ульяне захотелось зажать уши. А Жорик, когда они пересели в другой автобус, двухэтажный, потребовал:

– Дай мне мою фляжку!

Без этой своей фляжки, где бы муж ни отдыхал, он из отеля не выезжал. Во фляжке было, разумеется, виски.

– Еще слишком рано, – попробовала сопротивляться Ульяна. – Только восемь утра.

– Ты что, не понимаешь: мне надо выпить?! – на весь автобус заорал Жорик.

– Еще и в одной компании с этим алкоголиком! – тут же высказалась дама в маках.

Чтобы Жорик с ней не сцепился, Ульяна заткнула ему рот фляжкой. Уже стало понятно: день будет тяжелым. Эти двое друг друга стоят. И весь автобус это, кажется, понял.

Присосавшись к фляжке, Жорик примолк, зато дама в ма-

ках громко стала возмущаться, что это не вип-экскурсия, а форменное безобразие. Развод на деньги.

– В порт с пересадкой! Вы только подумайте! В моей жизни это впервые! А уж я немало поездила по миру! И уж я-то знаю, что такое вип!

В порту она тут же накинулась на экскурсовода:

– Почему вы забрали мой ваучер?!

Миловидная брюнетка с бейджиком на пышной груди откровенно растерялась:

– Таковы правила.

– Тогда дайте мне копию! Как я смогу предъявить свои претензии, не имея на руках ваучера? Любой суд потребует документы! Как я докажу, что была с вами на экскурсии?

Девушка растерялась еще больше:

– У вас какие-то претензии?

– О! Еще бы! Вы меня чуть не убили! Сразу предупреждаю: с этим водителем я назад не поеду!

– Хорошо, мы пересадим вас в другой автобус, – попыталась улыбнуться экскурсовод.

– Дайте мне копию ваучера! – не унималась дама.

– Но где я вам здесь, на причале, возьму ксерокс? – жалобно сказала брюнетка. – Вы же видите: вокруг только море и яхты. Здесь нет офиса.

– А меня это не волнует! Надо было позаботиться об этом заранее! Насколько я понимаю, мы не в Египте каком-нибудь, это ведь Европа? – ехидно сказала дама. – А раз так,

будьте добры дать мне копию документа! Езжайте в свой офис и делайте его там!

Девушка сдалась и отдала даме ее собственный ваучер. Та с удовлетворенной улыбкой засунула его в свой объемный кошелек и на какое-то время примолкла.

Вся группа тут же поняла, что это только цветочки, и приуныла. Как назло, кто-то опаздывал, и пришлось лишних полчаса простоять в порту. Дама в маках не умолкала ни на минуту, терзая несчастную девушку, которую угораздило быть гидом именно этой группы.

– И это называется вип? Почему мы до сих пор не вышли в море? Почему нас заставили разуться? Где мой кофе? Где вип?

Ульяна не выдержала и ушла на верхнюю палубу. Постелила на носу полотенце и стала загорать. Внизу Жорик допивал свое виски. Солировала дама в маках, да так, что несколько туристов, не выдержав, последовали примеру Ульяны и поднялись наверх. Наконец, прибыли опоздавшие, женщина с ребенком.

– Ну, слава богу! – ехидно сказала дама в маках. – Пропали небось. Раз вы такие неорганизованные, заказывайте индивидуальную экскурсию!

– Тетя, мы попали в пробку, – попытался объяснить ситуацию мальчик. Его мать деликатно молчала.

– Вы не умеете воспитывать детей! – тут же заявила ей скандалистка. – Когда разговаривают взрослые, ребенок не

должен встревать!

Слава богу, мать мальчика промолчала, сразу поняв, кто перед ней. Дама явно пыталась затеять склоку. Есть такой тип людей: скандалы – их хлеб. Пока они не наедятся до отвала, так и будут терзать окружающих. Гид, которая тоже это поняла, торопливо провела переключку.

– Схованские, два человека! – Жорик пьяно икнул.

– Мы здесь, – краснея, сказала Ульяна.

– Хорьковы, два человека!

– Я тут, мы тут! – заорала дама в маках. – Я и муж! Юлий, ты где?! Где ты, Юлий?! – завывала она, поскольку супруг не отзывался.

– Господи, у этого создания еще и муж есть! – не выдержал кто-то.

Дама метнула на звук испепеляющий взгляд, но, поскольку была озабочена исчезновением супруга, оставила сказанное без комментариев.

– Юлий! – сиреной завывала она. – Немедленно отзовись!

– Я здесь, дорогая! – раздался откуда-то снизу мышинный писк.

– Где ты был?!

– В туалете.

Голос и в самом деле шел со ступенек, ведущих в каюты и клозеты. Все невольно взглянули туда. Мужчина, носящий императорское имя Юлий, выглядел комично. Таких еще называют плюгавенькими. Метр с кепкой в прыжке. Низень-

кий, тощий, как глиста, с огромными залысинами и в очках с толстыми стеклами, сползающих на нос.

– Юлий Хорьков, немедленно сюда! – зычно скомандовала дама в маках.

«Наверное, он пытался утопиться в биде, – грустно подумала Ульяна. – Он ведь прекрасно понимает, что его дальше ждет. Сейчас мы в бухте, здесь тихо. Но как только яхта выйдет в открытое море, его жена поймет, что все, чем она так бурно только что возмущалась – это всего лишь досадные пустяки. И тогда начнется! Я бы на его месте утопилась немедленно».

Но едва взглянув на Жорика, она поняла, что и на своем собственном месте пора топиться тоже. Потому что у Жорика кончилось виски. Он с сожалением потряс фляжку и, поняв, что она пуста, стал озираться по сторонам.

– Я оставила на верхней палубе полотенце, – торопливо сказала Ульяна и рванула наверх.

«У меня есть хотя бы полчаса. В лучшем случае минут сорок. Когда я могу побыть одна и собраться с силами. Эти сорок минут мне сейчас до зарезу нужны».

Ловко, как кошка, вскарабкавшись по крутой узкой лестнице на верхнюю палубу, она торопливо застегнула штормовку и поймала на себе одобрителный взгляд капитана, который тоже оделся и встал за штурвал.

– Будут сильные брызги, мадам, – невозмутимо сказал он по-английски.

– Я знаю, – кивнула Ульяна и, усевшись на расстеленное полотенце, вытянула ноги.

Спиной она привалилась к перегородке, за которой стоял капитан, держащий в загорелых руках штурвал. Ульяна знала, что время от времени скипер посматривает на ее ноги, потому что посмотреть есть на что. Своей фигурой Ульяна Схованская по праву гордилась. Когда в сорок лет к тебе обращаются «девушка», это чертовски приятно.

«Черт возьми, как хорошо!» – подумала она, глядя, как удаляется берег. В море ее никогда не укачивало. Наверное, в прошлой жизни она была русалкой или сиреной.

А может, вообще мужчиной? Капитаном корабля, на худой конец, матросом. Все лучше, чем женой Жорика Схованского. Всего полчаса счастья. Пока муж не очухается. Пока его взгляд и мозги затуманены алкоголем. Пока он не почувствовал качки и, соответственно, страх. Потому что все алкоголики трусы. Они и пьют от страха.

Ульяна закрыла глаза, ожидая, когда порыв ветра упруго ударит в лицо, а верхнюю палубу окропит солеными брызгами. И привычно подумала о муже: «Чтоб он сдох!»...

Какое-то время она наслаждалась жизнью. Ульяна, будь ее воля, ни дня бы не сидела в отеле. Остров диво как хорош, все умные люди берут машину и целыми днями колесят по горным дорогам, останавливаясь в самых красивых местах и делая замечательные фотографии.купаются каждый день на разных пляжах, обедают в маленьких семейных ресторани-

ках, где и цены лояльные, и еда вкуснейшая. Но разве усадишь Жорика в машину?! А напившись, он даст фору даже даме в маках по части скандала. Возможно, та нашла сегодня то, что искала. Достойного соперника. Ох, что-то будет!

Ульяна вздохнула и открыла глаза. Сколько времени прошло? Похоже, пора спускаться вниз. Она прислушалась. Вроде бы тихо. Или это ветер воет? Волна с силой бьет в борта, поэтому людских голосов не слышно. Сейчас Жорик очухается и пойдет искать свою вторую половину. Ульяна покосилась на молчаливого капитана. Харизматичный мужик, все при нем. Вот перед ним ей стыдно. Он посматривает на красивую и храбрую русскую мадам с откровенным интересом. Что-то будет во взгляде скипера, когда он увидит ее мужа! И как объяснить, почему она вот уже двадцать лет живет под одной крышей с Жориком Схованским? Делит с ним постель, родила ему сына. Это даже на русском трудно объяснить, чего уж говорить о языке, который для них обоих, и Ульяны, и капитана яхты, неродной! Да и нет таких слов ни в одном языке мира.

«Для этого надо рассказать всю мою жизнь. А главное, мою мечту. Но высказанная мечта – это все равно что выданная тайна. Есть вещи, о которых говорить нельзя, потому что не поймут. А меня уж точно не поймут».

Она еще раз тяжело вздохнула, собираясь с силами, и привстала, чтобы шагнуть на узкую лестницу. Капитан с сожалением и грустью смотрел, как русская мадам уходит. Потом

пожал плечами и крепче охватил могучими руками штурвал. Ну почему у этих русских самые красивые и самые непонятные женщины?

Спустилась она вовремя. Жорик как раз донимал гида насчет выпивки, а мадам Хорькова грозилась пожаловаться в Страсбургский суд.

– Как вы могли выйти в море в такую погоду?! – орала она, забыв про морскую болезнь.

Те, кто действительно ею страдал, висели на леере либо сидели на стульчиках у борта с бумажными пакетами в руках наготове. Стюарт, единственная женщина в команде по имени Кристина, носилась туда-сюда, пытаясь хоть как-то облегчить страдания несчастных. Протягивала то лед, то лимон, а то и делала массаж, растирая сильными пальцами виски зеленым от тошноты туристам. И давала дельные советы. Мол, лучше не пить много воды, плохо для желудка. Говорила она на английском, но гид тут же переводила.

Ульяна все понимала и без перевода.

– Погода сегодня хорошая, – сказала Кристина. – Два дня назад была шестиметровая волна. А сегодня все супер.

– Немедленно разверните яхту! – орала Хорькова. – Я умираю!

– Где виски?! – вторил ей Жорик. – Я хочу выпить!

– Есть пиво и домашнее вино, – вежливо сказала гид. Ульяна наконец прочитала на бейджике, как ее зовут: Элена.

– Что значит – пиво?! Пивом, девушка, похмеляются, –

ехидно сказал Жорик. – А я вам сказал, что хочу выпить.

– Тогда пейте вино. Вино хорошее, домашнее.

– Да от него только ссать хочется! – завопил Жорик. – Я хочу виски! Или водку! Можно коньяк! Только побыстрее!

– Крепких спиртных напитков на яхте нет, – тихо сказала Елена. – Мы в море. А в море сухой закон. Только потому, что это вип-яхта, здесь подают пиво и вино.

– Когда вип, подают все! – огрызнулся Жорик.

– Вот именно! – неожиданно поддержала его мадам Хорькова. – Это туфта, а не вип! Когда вип, вы должны предусмотреть все!

– Но мы не может отменить ветер, – не выдержала Елена. – Вашей безопасности ничто не угрожает, а в остальном... – она развела руками.

– А виски? – тут же вклинился Жорик. – Виски-то вы можете взять на борт?

– Я же вам сказала, что в море су...

Тут Жорик увидел спустившуюся с верхней палубы жену и переключил свое внимание на нее.

– Ты все знала, сука! – заорал он, перекрывая ветер и волны. – Ты сделала это мне назло! Гадина! Сука! Стерва!!!

У Ульяны невольно задрожала нижняя губа. Кажется, начинается.

– Ага! Ваша жена ввела вас в заблуждение, так же как меня обманул мой собственный муж! – сообразила Хорькова и заорала: – Юлий! Где ты прячешься?! Немедленно сюда,

мерзавец!

– Я здесь, дорогая! – пискнул тот откуда-то снизу. Похоже, он всю дорогу прятался в одном из клозетов.

– Ты почему мне сказал вчера вечером, что погода будет прекрасная?!

– Но на небе ни облачка, милая, – сказал супруг, поправляя вспотевшие от страха очки.

– А эта убийственная качка?! О! Ты все знал! Я видела, как ты читал прогноз погоды! Напрасно я тебе доверяла! Ты ведь прекрасно знаешь, что я больна! Я ведь могу умереть, потому что здесь, в открытом море, мне никто не поможет! Я знаю, твоя заветная мечта, чтобы я умерла! Ты нарочно мне это устроил! Какая подлость! И этому человеку я отдала пятнадцать лет своей жизни!

– Ты решила меня убить, дрянь такая! – это уже было обращено к Ульяне. – Мое наследство хочешь заполучить! Хрен тебе! – и Жорик показал ей фигу.

– Юлий, ты подлец! Издеваешься над больной женой! Я немедленно подаю на развод!

– Розалия, прости меня, дорогая! – супруг согнулся так, что Ульяне показалось, будто он вот-вот рухнет перед своей орущей половиной на колени.

Ульяна чуть не рассмеялась. Розалия! А ведь в точку! Розалия Хорькова...

– А! Ты улыбаешься! – уловил ее мимику Жорик. – Ну, я тебе устрою, сука! Ты пожалеешь, что на свет родилась!

– Мы скоро прибудем на остров, и я куплю тебе виски в ближайшем баре, – тихо сказала Ульяна. – Столько, сколько хочешь.

– Это я куплю себе виски! – заорал Жорик. – Потому что это мои деньги! Я всю жизнь пашу, как слон, а ты прохлаждаешься! Мечтаешь о моей смерти! Хочешь тратить мои денежки со своим любовником! Он здесь, на яхте?!

– Ты с ума сошел!

– А где? В отеле? В каком номере? Говори!

Розалия Хорькова даже перестала орать на мужа и посмотрела на Ульяну с интересом.

– Какой пассаж! – ехидно сказала она. – Я так и подумала. То-то вы кокетничали с капитаном!

– С кем?! – набычился Жорик. – С этим... – он обложил предполагаемого соперника трехэтажным матом. – Где он?! Я его сейчас убью!!!

– Он наверху! – вцепилась в мужа Ульяна. – Стой! Ты упадешь за борт!

– Хрена с два! Я морду ему сейчас набью!

– Это не он!

– Не он? – Жорик перестал рваться вверх. – А кто? Говори, дрянь! С кем ты мне изменяешь!

– У вас действительно нет виски? – Ульяна беспомощно посмотрела на Кристину. Та на секунду задумалась, а потом кивнула. Видимо, ситуация была понятна и без перевода.

Бутылка оказалась маленькой, и не виски, а греческая

водка. По-русски это называется шкалик.

– Ну вот! – удовлетворенно сказал Жорик, вцепившись в нее мертвой хваткой. Свинтил пробку и тут же примолк.

– Вот видишь, на что способна жена, если она ценит своего мужа! – накинулась Розалия на несчастного Юлия. – А ты на что годишься, ничтожество? Немедленно разверни яхту!

Хорьков беспомощно заморгал. Розалия требовала невозможного.

В это время Кристина что-то сказала по-английски. Ульяна тут же перевела:

– Она говорит, что обратно плыть будет намного легче. Сейчас мы идем против ветра. К тому же до острова осталось минут десять пути. А обратно в порт идти больше часа. Разве вы не хотите передохнуть от качки? – обратилась Ульяна к Хорьковой.

Та задумалась. Как ни странно, английская речь ее успокоила. Ульяне Хорькова вряд ли поверила бы. Юлий посмотрел на свою спасительницу с благодарностью.

– В самом деле десять минут? – подозрительно переспросила Хорькова у Элены.

– Вон остров! – та указала на скалы впереди. – В бухте тихо. Наша первая остановка в монастыре. Там есть чудотворная икона и святые мощи. Фотографировать нельзя, но всем желающим раздают миниатюрную копию иконы и сосуд с ладаном. Сегодня суббота, священный день. Согласно поверью, если обмести себя метлой и потом все время мести

к морю, до набережной, вы избавитесь от недуга, которым страдаете...

«Это вряд ли, — думала Ульяна, пока экскурсовод рассказывала одну из местных легенд. — Такие люди, как Розалия Хорькова, словно бы рождаются для того, чтобы всем остальным жизнь малиной не казалась. Равно как и Жорик. Схованский, будучи трезвым, адекватен и миролюбив. Хотя когда это он бывает трезвым? Но эта еще хуже», — она с неприязнью посмотрела на Хорькову. Потом перевела взгляд на несчастного Юлия.

И вдруг ей в голову пришла неожиданная мысль.

«Да вот же он! — волнуясь, подумала Ульяна. — Человек, которого я так долго искала! Даже имена созвучны. Ульяна — синоним Юлиана. А он Юлий. Юлий и Юлиана. Похоже, мы друг друга нашли, — она взглянула на Хорькова уже по-другому, с откровенным интересом. — Мы живем в одном отеле. Надо улучшить минутку-другую, чтобы с ним переговорить».

— Вы когда уезжаете? — как бы невзначай спросила она.

— Через неделю, — уныло сказал Юлий.

По всему было видно, что отдых его достал. Должно быть, он все время прячется от жены на работе. А здесь даже спрятаться негде.

— Как это вас угораздило? — не удержалась Ульяна и взглядом указала на Розалию. Та была увлечена рассказом о чудесном исцелении.

— А вас? — парировал Юлий.

И тут она поймала его взгляд. Острый, пронизательный, совсем не водянистый, как ей показалось поначалу из-за толстых стекол очков.

«А он не глуп... — с удовлетворением подумала она. — Уже хорошо. Просто запуган. Почему-то мне кажется, что мы договоримся...»

Благодаря чудодейственной иконе и, как оказалось, такому же чудодейственному виски вторая половина экскурсии прошла гораздо спокойнее. Во время остановки Жорик заправил свою фляжку, а Розалия раздобыла кучу священных реликвий и теперь с увлечением их рассматривала.

— А как это действует? — жадно спрашивала она у Элены, и та, угадав слабое место скандалистки, тут же заводила песню об очередной местной легенде. Чудесное исцеление и все такое.

Ульяна с усмешкой вспомнила, как Розалия, словно волнорез, размела огромную очередь ко входу в крохотный храм, сгребла все пузырьки с ладаном, стоящие перед оторопевшим от такого хамства монахом, сграбастала пачку миниатюрных икон и стояла у святыни столько, сколько ей хотелось, наплевав на остальных. И ее никто не трогал, не торопил, толпа плавно огибала тушу в чудовищных маках, словно река островков, а потом снова сливалась и уже в другом темпе, торопясь и бурля, устремлялась к выходу. Только один пожилой англичанин, не выдержав, покачал головой и сказал:

– Сколько же у леди грехов, что она так долго молится!

Юлий в храм вообще не пошел, как заметила Ульяна. Воспользовавшись передышкой, Хорьков с увлечением рассматривал местную флору и даже сорвал пару оливок, из которых делают масло, понюхал их, помусолил в пальцах и сунул в карман. Ульяна отметила его любознательность и стремление к одиночеству. Похоже, как и Жорик ее, Розалия супруга давно уже достала.

Следующая остановка была в тихой бухте с удивительно чистой водой, синей-пресиней. Пока все купались, Жорик и Розалия были заняты другим. Жорик получил свое законное пиво, ибо, как он говорил, водка без пива – деньги на ветер. И теперь всю наслаждался жизнью, повышая градус. Розалия увлеченно мазалась ладаном и прикладывала миниатюрную икону к пышной груди и к животу.

Получив передышку, Ульяна поспешно нырнула в воду. Плавала она как русалка. Юлий последовал за ней. К ее большому удивлению, плавал он тоже неплохо и довольно быстро. Они оторвались от остальных и взяли курс на песчаный берег.

– Как вы думаете, эти двое друг друга не поубивают? – слегка запыхавшись, сказал Юлий ей в спину.

– Да хоть бы и так! – она обернулась и подождала Хорькова.

– Они ведь остались там, на яхте, вдвоем, – он хихикнул.

– Я бы тоже хотела остаться на этом берегу. Навсегда, – в

сердцах сказала она. – А еще лучше – вернуться и увидеть на палубе два трупa. Своего мужа и вашей жены. Нет, если вы, конечно, возражаете...

– Ни-ни! Я готов плыть хоть до Баренцева моря, лишь бы подольше не видеть Розалию! И ничто меня так не обрадует, как ее бездыханное тело! Уж простите за откровенность.

– Что ж... Будем надеяться.

Она сочла, что время и место для делового разговора не слишком удачное. Надо дождаться подходящего момента, у них есть еще целая неделя. По крайней мере, Ульяна узнала его настроение. Он тоже ненавидит свою вторую половину и мечтает от нее избавиться.

На яхту они с Юлием поднялись последними. Кристина понимающе улыбнулась и протянула мадам душевой шланг.

– Пиво, вино? – предложила она, пока Ульяна вытиралась.

– Бокал красного вина, пожалуйста.

Юлий от спиртного отказался.

К огромному удивлению Ульяны, Жорик с Розалией во время этой остановки нашли общий язык! Они сидели на мягком диване и увлеченно обсуждали, что вип, а что не вип. И оба ругали эту экскурсию. А заодно своих тунеядцев, Жорик жену, а Розалия мужа.

– Сидит в своем НИИ, штаны протирает! – ехидно говорила Хорькова. – Зачем только на работу ходит? Получает все равно гроши! А я семью кормлю!

– А моя вообще не работает! – вторил ей Жорик. – И не

работала никогда! А я пашу с утра до ночи! Еще и по курортам ее вожу за свои деньги! И что я за это получаю? Сами видели! Никакой благодарности от этой суки драной! Одни только упреки: много, мол, пьешь! Еще и любовника норovit завести у меня под носом!

– Как у вас только терпения хватает? – сочувственно сказала Розалия.

– Такой уж я. Добрый. – Жорик притворно вздохнул.

Ульяна чуть дар речи не потеряла. Добрый?! Вот лицемер! Исключительный скот, а строит из себя...

– А, явился! – высказалась и Розалия, увидев вытирающегося полотенцем Юлия. – Нет чтобы спросить, как ты, дорогая моя жена? Остаться со мной, позаботиться о том, чтобы я выпила свое лекарство. Ему лишь бы улизнуть! Тунеядец чертов! Эгоист! Смерти моей желаешь!

Юлий покорно молчал.

– Вот тоже стерва, – кивнул Жорик на Ульяну. – Так и хочет меня утопить. Я потому и в воду не лезу. Она, мать ее, спортсменка! А я дойная корова. Плачу за все ее прихоти. Абонементы в два фитнес-клуба, уроки плавания. С персональным тренером, между прочим!

Ульяна благоразумно молчала. Жорик сел на любимого конька. Стоит вставить хоть словечко – и начнется очередной семейный скандал. Причем пьяный муж в выражениях не стесняется. А сейчас он набрался основательно.

– Нет, что ни говори, а лучшее средство от качки – это

виски! Не хотите выпить, Розалия Карловна? – подмигнул Жорик.

«Мать твою, они уже и познакомились!»

– Нет, спасибо, Георгий Геннадьевич, я на таблетках. А лекарство и алкоголь несовместимы, – кокетливо сказала Розалия.

– Вы так думаете? А по-моему, все совместимо!

– Да, если учесть, что вы живете с этой, – Розалия презрительным взглядом указала на Ульяну, – а я с этим, извиняюсь, козлом, – она, словно мальчишке, отвесила подзатыльник Юлику, неосмотрительно оказавшемуся от своей супруги на расстоянии вытянутой руки.

Жорик заржал и попытался хлопнуть жену по попе. Но Ульяна ловко увернулась. Остальные туристы смотрели на нее с сочувствием. Кто-кто, а уж Ульяна такого обращения не заслужила. Да, она следит за собой, но для кого все это? Никогда у нее не было любовника. Только мечта...

Ульяна невольно вздохнула.

Обратно и в самом деле плыть было намного легче. Да и ветер к вечеру начал стихать. Розалия дремала на диванчике, а Хорьков покорно сидел рядом с женой, время от времени коротко вздыхая. Жорик тоже похрапывал, Ульяна же благоразумно не пошла наверх, где у штурвала обосновался харизматичный капитан. Только драки здесь на сегодня не хватало!

Обратно они ехали вчетвером, на персональной маши-

не, от порта до самого отеля, без пересадки. Розалия торжественно посматривала на супругов Схованских. Какова я, а? Всегда своего добиваюсь!

– Вы в каком номере живете? – как бы между прочим спросила Ульяна на прощание у Хорьковых.

– Хотите навеститься в гости? – живо поинтересовалась Розалия Карловна. – А что, Георгий Геннадьевич, заходите как-нибудь. Напишем коллективную жалобу, – сказала она с воодушевлением. – Пусть вернут нам наши денежки и заплатят моральную компенсацию!

– Компенсацию, говорите? А что? Это дело! Вон, Вавка этим займется, – кивнул Схованский на жену. – Для нее инглиш, как родной! Даром я деньги, что ли, на ее курсы традил? Настрочит – не сомневайтесь!

– Ваша жена хорошо знает английский? – еще больше воодушевилась Розалия Карловна.

– Вавка-то? Еще бы! Сколько времени она на этих курсах провела! Если не врет, конечно. Не врешь, Вавка? Или ты с любовником кувыркалась, пока я пахал, а мне врала, что на курсах?

– Я действительно ходила на курсы английского языка, – ровным тоном сказала Ульяна.

«Вавка-пиявка», – таково было ее «ласковое» прозвище в семье. Или «Вавка-мерзавка».

– Что касается писанины – это к ней, – небрежно сказал Жорик. – Слышала, сука драная? Поработай, а то ты заотды-

халась, – он пьяно заржал.

– Хорошо, я подумаю, что можно сделать, – в очередной раз еле сдержавшись, сказала Ульяна.

Если она убьет Жорика, все ее поймут, никто не осудит. Кроме, собственно, суда. Который не принимает во внимание эмоции, только факты. А предумышленное убийство оправданий не имеет, и срок за него серьезный.

Надо придумать что-то другое.

И она придумала. Уже давно. Ей не хватало только Юлия, чтобы осуществить свой план. Но теперь Юлий у нее был. Ульяна не сомневалась, что сумеет его уговорить.

И тогда...

Она коротко вздохнула. Мечта – как птица, одно неловкое движение может ее спугнуть. Надо расставить силки и терпеливо ждать, пока птица в них запутается. Терпения Ульяна не занимать. Но как бы не состариться в этом томительном ожидании.

«Сейчас! – решила она, идя к своему номеру. – Сейчас или никогда!»

Штормовое предупреждение

Случай переговорить с Юлием наедине представился довольно быстро, через два дня после экскурсии. Разумеется, Ульяна и не собиралась идти к Хорьковым в номер и помогать Розалии Карловне составлять коллективную жалобу. Экскурсия была замечательная и организована прекрасно. А что касается денег, Жорик за день почти столько же пропивает, а Розалия ничуть не меньше тратит на свои лекарства. Не обеднеют.

Жорик же забыл о поездке на острова уже к ночи, отметив свое «чудесное спасение» в одном из ресторанов отеля. Послушать его, так был настоящий шторм, а не какая-то паршивая качка! Но Схованский любил приврать, особенно накачавшись виски. Ульяна с неприязнью слушала его пьяный бред и ушла, не дожидаясь десерта. А ведь ресторан а-ля карт оказался очень даже неплох. Но компания...

– Кофе с бренди? – предложили им после горячего.

– Я не буду, – торопливо сказала Ульяна. – Сладкого я не ем. Пойду в номер, пожалуй.

– Вали. Тогда мне – две порции! – велел Жорик. – И двойной виски повторить!

– Запишите на наш счет, – тихо сказала Ульяна официанту, кивнув на пустые стаканы перед мужем. – И разбавляйте, пожалуйста, виски. Кладите побольше льда.

Официант понимающе кивнул. Ульяна была уверена, что лишнего он не припишет. Ей все здесь сочувствовали и старались хоть как-то улучшить ее настроение. Ведь Жорик вел себя отвратительно, впрочем, так было всегда.

Ульяна же, окрыленная своей надеждой, теперь относилась к его выходкам гораздо спокойнее. Она раз за разом прокручивала в уме разговор с Юлием, стараясь не упустить ни единой детали. Второго шанса у нее не будет. Если она спугнет Хорькова, все пропало. Действовать надо крайне осторожно.

...В этот день она пошла на пляж чисто по наитию. Жорик «отмечал» сиесту, то есть надрался за обедом и теперь спал мертвецким сном перед тем, как отправиться за вечерней порцией удовольствий. Три часа слушать мощный храп, от которого даже на балконе не было спасения, Ульяне показалось невыносимым. Она решила, что даже послеобеденная жара на морском побережье лучше пьяного мужа, торопливо надела купальник, накинула парео и отправилась к морю.

Море... Что может быть лучше? Даже в такую жару море – это все равно море. Смотреть на него можно бесконечно. Просто сидеть на берегу, время от времени бросая в воду гальку, считать круги и загадывать желание. С наслаждением вдыхать морской воздух и вспоминать о суровой зиме, как о чем-то далеком-далеком...

Но так считали очень немногие, потому что пляж был почти пуст. В этой уютной бухте, километра четыре чистейше-

го побережья, находился всего один отель. Была еще парочка платных пляжей, но их почему-то не жаловали. Может, потому что галька? Ульяне же место казалось замечательным именно из-за этой уединенности. Нет толчеи, суеты, лежаки стоят достаточно далеко друг от друга, если хочется, можно вообще отойти метров на пятьдесят и остаться совсем одной. Постелить полотенце на гальке, растянуться на солнышке и слушать шум прибоя, улыбаясь, когда соленая морская волна, накатывая на берег, облизывает пятки.

Сейчас в этом не было необходимости, и так почти никого. Ульяна облюбовала один из шезлонгов, подальше от тропинки, ведущей к отельным корпусам, и направилась к нему.

– Тоже не спится? – услышала вдруг она и вздрогнула от неожиданности.

Обернулась и увидела: Юлий Хорьков, собственной персоной! Он так щедрушен, что его трудно разглядеть под полотенцем, которым Хорьков накрылся чуть ли не с головой. Похоже, прячется от своей грозной супруги. Ульяна так и спросила:

– Вас что, Розалия Карловна выгнала из номера? Боитесь, что супруга вас простит и отправится искать потерю?

– Жена на массаже. – Юлий зевнул и сел. – Она не любит тратить время зря. Что еще делать в сиесту? Розалия загорелась попробовать массаж морскими ракушками, местная экзотика. Потом у нее хаммам, бассейн с ленивой рекой и душ Шарко, от нервов, – он ехидно улыбнулся. – Еще она

хотела сделать педикюр, в Москве у нее на это времени не хватает, – теперь улыбка Юлия была счастливой. – Это значит, что у меня есть три часа, не меньше. Целых три часа!

– У меня столько же, – усмехнулась Ульяна. – Не возражаете, если я присяду рядом?

– Нет, конечно. Мы ведь с вами товарищи по несчастью. Надо же было встретиться!

– Вот об этом я и хотела с вами поговорить.

Ульяна обернулась. Вокруг почти никого. Соседние шезлонги пусты, лишь пожилая супружеская пара метрах в трех, судя по речи, англичане, которые терпеливо переносят жару, время от времени бегая к морю, чтобы окунуться в прохладную воду. Как сказал водитель от турагентства, лето в этом году запоздало на месяц, поэтому купаться решаются немногие. Вода здесь вообще прогревается только к середине июня, а сейчас, из-за холодов и сильного ветра, она, что называется, похожа на парное молоко из холодильника. Но англичане ничего, терпят. Что касается русских, то в это время дня они еще сидят по ресторанам, неторопливо, со вкусом обедают либо у себя в номерах попивают пиво и купленное в отельном мини-маркете местное вино, очень, кстати, недурное.

«Отлично! Никаких свидетелей! Лучшего места и времени и не придумаешь!» – подумала Ульяна, стеля на шезлонг полотенце. Судьба сама давала ей в руки шанс. Грех было им не воспользоваться.

«Я ждала этого долгие двадцать лет, – подумала она, косясь на Юлия. – Ибо я с первого же дня замужества поняла, что мой муж – редкая сволочь».

– Сколько лет вы женаты? – спросила она у Хорькова, ложась на шезлонг.

– Розалия упоминала об этом на яхте, – как бы небрежно сказал он. – Пятнадцать лет.

– Я не акцентировала на этом внимание. Пятнадцать так пятнадцать. Не суть важно. Значит, вы моложе меня, – сказала она задумчиво. – Сколько вам? Тридцать три – тридцать пять?

– А вы это анкетирование для чего проводите? – насмешливо спросил Юлий. – Уж не любовника ли себе подбираете?

– У меня нет любовников, – резко сказала Ульяна. – Нет и никогда не было. Это все фантазии моего супруга, который редко бывает трезвым. Параноидальный бред на почве алкоголизма. Кстати, как к вам обращаться? Просто Юлий или по отчеству?

– Ну, раз я моложе вас, как мы только что выяснили, можно просто Юлий. А вас как величать?

– Зовите Ульяной.

– А почему тогда Вавка?

– Это мое семейное прозвище, – сказала она, розовея. И сухо добавила: – Подробности ни к чему.

– Ну, вот мы и познакомились, – Юлий тяжело вздохнул. – Как я понял, у вас ко мне дело, Ульяна?

– Именно.

– Какого рода дело?

– Самого прямого: я хочу убить своего мужа.

Она заметила, как Юлий вздрогнул.

– Ну а я-то здесь при чем? – с опаской спросил он и нервно поправил очки.

– Потому что вы тоже этого хотите.

– Убить вашего мужа?! Да зачем мне это?!

– Вы хотите убить жену.

– Я?! Нет! Что вы, что вы! – замахал руками Юлий. – Да как вам это в голову могло прийти!

– Хватит лицемерить! Мы здесь одни. Нас никто не слышит. Диктофона у вас нет, вы этого разговора не ожидали. Я тоже не рассчитывала вас здесь встретить, но если хотите, я выверну карманы. Давайте говорить начистоту. Вы мечтаете, чтобы ваша жена умерла. А я мечтаю, чтобы мой Жорик подох.

– Зачем же торопить события? – заблеял Юлий. – Розалия не отличается крепким здоровьем. Даст Бог, и... – не договорив, он коротко вздохнул, лишь обозначив свое заветное желание: получить свободу.

– Да бросьте! – рассмеялась Ульяна. – Она нас всех переживет! Больные люди – чудовищные эгоисты. А эгоисты живут долго. Я давно это заметила. Больному человеку все прощается, все его жалеют, он ни в чем себе не отказывает, вся его жизнь посвящена лишь заботе о себе, о своем здоровье

и покое. Еще одна интересная деталь: у них огромная жажда жизни. Больные люди дорожат каждым ее мгновением гораздо больше, чем здоровые, и всячески стараются отпущенный им срок жизни продлить. Они старательно лечатся, соблюдают все предписания врачей, в то время как здоровые вообще к ним не ходят, к врачам. И умирают от какой-нибудь ерунды просто потому, что вовремя не обратились в медпункт. Розалия Карловна будет жить долго, даже не сомневайтесь. Уверена – вы, как и я, тянете на себе семейный бизнес, хотя жена говорит обратное.

– Я всего лишь веду бухгалтерию, – развел руками Юлий.

– Всего лишь! А я всего лишь юридическая поддержка, переводчик, финансовый консультант и личный секретарь. А еще сука драная. Но фирму основал муж, все имущество записано на него, в документах стоит его подпись, хотя реально за все отвечаю я.

– Аналогично, – уныло кивнул Юлий.

– Чем вы, кстати, занимаетесь? – без особого энтузиазма поинтересовалась Ульяна. Это не имело для нее никакого значения. Просто хотелось установить контакт.

– У нас несколько модных бутиков, – оживился Юлий. – Мы привозим одежду из Италии.

– Я знаю, там есть аутлеты, в которых регулярно бывает распродажа, – кивнула Ульяна. – Наши соотечественники падки на раскрученные бренды. А там в сезон распродаж Армани с Дольче-Габбаной – рупь ведро. Ну и как, дела идут?

– А как же! Правда, Инет нас здорово подкосил.

– Каким образом?

– Клиентки приходят, меряют одежду, а потом заказывают по Инету понравившуюся модель. Получается намного дешевле, а нужный размер они узнают у нас в магазине. Но все равно, на жизнь нам с Розалией хватает.

– Странно... Извините, но ваша жена чудовищно одета. Все, что я на ней видела, можно назвать одним словом: ужасно. Я бы никогда не подумала, что одежда, которой она торгует, пользуется спросом.

– Напрасно вы так думаете, – насмешливо сказал Юлий. – У Розалии есть чутье. Вы бы, Ульяна, то, что она привозит, никогда бы не купили, но таких, как вы, очень мало.

– Каких таких?

– Сдержанных, – он деликатно кашлянул. – Моя жизнь, конечно, не сахар, но вашему терпению даже я удивляюсь... Ну а вы чем занимаетесь? Если не секрет, конечно.

– Не секрет. Мойки, шиномонтаж.

– Вы и шиномонтаж?! С вашим-то интеллектом?!

– Что вы знаете про мой интеллект? – сказала она несколько раздраженно. – Как вышло, так вышло. Но я давно хочу с этим развязаться. И с мойками, и с Жориком. Я давно придумала, как его убить. Но мы в таких плохих отношениях, что все сразу же подумают на меня. Поэтому я предлагаю обменяться убийствами.

– Простите, что? – Юлий даже очки снял от волнения и

нервно стал протирать стекла.

– Мое желание избавиться от мужа такое страстное, что я буквально помешана на детективах. Я перечитала их все, и наши, и импортные, просмотрела кучу триллеров, изучила все интересные случаи. Мое пристрастие все знают и даже над ним посмеиваются. Поэтому я в первую очередь окажусь под подозрением. А что, скажите мне, делать человеку, который постоянно подвергается унижениям? Только мечтать. В этих своих мечтах я убивала Жорика сто тысяч раз, я придумывала ему самые страшные казни, пытала его и линчевала. И мне становилось легче. Много лет я планировала идеальное убийство, искала способ, как это сделать, и, кажется, нашла. На мысль меня натолкнул Хичкок, его фильм «Незнакомцы в поезде». Все правильно: главная проблема, что если убивают мужа, все сразу думают на жену. А если умирает жена, да еще наследство... – она выразительно посмотрела на Юлия. – А если и у вас, и у меня будет железное алиби? Вы убьете моего мужа, а я убью вашу жену, и эти два убийства никто не свяжет. Наше случайное знакомство не примут во внимание, об этом вообще никто не узнает. Мы не дома, за границей. Никто даже не станет проверять, где и с кем мы отдыхали, в каком отеле. Случайные люди, которые были с нами на экскурсии, разъедутся по стране. Я невзначай поинтересовалась: москвичей, кроме нас с вами, на яхте не было. Две пары из Питера, компания из Екатеринбурга, преподаватели из Пензы. А женщина с ребенком, которые опоздали,

вообще прилетели из Владивостока. И сейчас мы с вами одни. Если вы скажете «нет», я больше к вам не подойду и сделаю вид, что мы вообще незнакомы.

– Господи, да вы все предусмотрели! – всплеснул руками Юлий.

– Я же сказала, что долго готовилась, – сухо сказала она.

– Ну и как вы планируете убить мужа?

– Два года назад умерла моя свекровь. Это была замечательная женщина, она меня очень поддерживала. После ее смерти стало совсем невмоготу, Жорик буквально с цепи сорвался. Последние годы она тяжело болела, ей выписывали целую кучу лекарств. Когда она умерла, ее квартиру мы продали. Зачем нам хрущевка в старом доме, когда у нас есть прекрасное жилье в элитном квартале? Разумеется, все вещи мы выбросили, в том числе и лекарства. А их было немало. Но пару пузырьков я приберегла. Жорик вряд ли помнит об этом лекарстве, он мало интересовался болезнями матери. Этим, как и всем остальным, занималась я: путевки в санатории, врачи, обследования... Свекрови долгое время выпи-сывали клофелин в каплях. У нее была первичная глаукома и повышенное глазное давление. Срок годности капель подходит к концу, так что нам с вами надо поторопиться. Клофелин в сочетании с алкоголем – убийственный коктейль. Он приводит к остановке сердца.

– Это я знаю, – хрипло сказал Юлий. – Ну а детали?

– Детали я сообщу, когда получу ваше согласие. Не бес-

покойтесь: все продумано до мелочей. Идеальное убийство. Дело за моим алиби. Я не могу убить Жорика. Но я могу сделать вам ответное одолжение: убить вашу жену. Решайтесь.

Она уже поняла: Юлий слабый человек. На него надо надавить. И тогда он непременно сломается.

– Вы меня прямо огорошили... – заныл он. – Я вас прекрасно понимаю... Но почему просто не развестись?

– Развестись?! – она не выдержала и расхохоталась. – Нет, вы не понимаете... Развестись! Если бы мне нужна была просто свобода, я сделала бы это давно. Собрала бы свои вещи и ушла. Но вы не понимаете, КАК я его ненавижу. Из-за него я несчастна, а разве я это заслужила? Я-то уйду и при разводе не получу почти ничего, мне придется все начать сначала, а Схованский мигом найдет себе кого-нибудь другого, или его найдут. И они вместе с этой девкой будут пропивать заработанные мною деньги. Фактически ведь это я их заработала. Жорик будет вечно пьян и счастлив, потому что, напившись, он пребывает в состоянии эйфории. Он станет бахвалиться тем, что так ловко обтяпал дельце, избавился от занудливой жены, обобрав ее до нитки. А я тем временем буду мотаться по съемным квартирам, вкалывать день и ночь, каждый день видя в зеркале, как становлюсь похожа на старую клячу. Года через два такой жизни на меня уже никто и не посмотрит. Лучшие мои годы Схованский украл, и я что, должна это простить?! А проживет он долго, как и ваша Розалия. У него здоровье, как у быка, он пьет только качественный ал-

коголь, и, кстати, у всех алкоголиков неубиваемая нервная система. Они ведь не думают о семье, о детях, не переживают за родных и близких, вообще ни о чем не переживают. Только о том, чтобы у них всегда была выпивка. А Жорик богат, у него с этим нет проблем. Так что проживет он долго.

– А как же цирроз печени? – робко возразил Юлий.

– Этой зимой, когда был гололед, муж по пьяни сломал бедренную кость, и врачи две недели продержали его в больнице. В первый раз на моей памяти Жорик хоть что-то себе сломал, обычно ему везет. Вел себя Схованский безобразно, все время требовал выпивку, поэтому его довольно быстро отпустили, долечивался он уже дома. Так вот, пока Жорик лежал в больнице, его тщательнейшим образом обследовали. Я тоже надеялась на проблемы с печенью. Увы! Его легкие чисты, как у младенца, в почках нет камней, а печень даже не увеличена. Давление олимпийское, анализ крови идеален, пульс в норме. У него все в норме, – раздраженно сказала Ульяна. – Бог наградил моего супруга завидным здоровьем, мне на горе. Для меня единственный способ освободиться – это убить его.

Юлий потрясенно молчал. Ульяна начала нервничать. Неужели она ошиблась?!

– Розалия вас угробит, доведет до нервного срыва, – начала запугивать она. – Когда я на нее смотрю, то вспоминаю одну историю. У моей бабушки когда-то был петух, которого боялась вся деревня. Его прозвали «Клевачий». Этот петух

не пропускал никого, кто проходил мимо нашего дома, причем норовил прыгнуть на грудь и выклевать глаза. А зайти во двор вообще не дай бог, петух тут же налетит и заклюет до синяков, до крови! В нем клокотала такая ненависть, что и кукарекал он как-то по-особенному. Просто ужас наводил. К моей бабушке ходили целые делегации, умоляя зарубить Клевачего. В конце концов скинулись и купили ей нового петуха, чтобы кур топтал. Словом, уговорили. Когда Клевачего зарубили, оказалось, что у него все нутро гнилое. Все органы поражены какой-то страшной болезнью. Он кидался на всех от дикой боли, которая его терзала. Хотел причинить такую же боль. Вот так же, Юлий, и ваша жена. Она, как я поняла, больна. Поэтому и кидается на всех, особенно ненавидит таких, как я, красивых, стройных, спортивных. У которых ничего не болит. И вас она ненавидит. Рано или поздно она вас заклюет. Либо вы меня послушаете и избавитесь от нее.

– В ваших словах есть правда, – согласился Юлий. – Но все равно я боюсь... Убить человека? Нет-нет, – замахал он руками. – Да как это возможно?!

– Да разве Жорик человек? – насмешливо спросила Ульяна. – Это скот.

– Но как же вы в таком случае вышли за него замуж?!

– Вы хотите это знать? Хорошо, я расскажу. – Она посмотрела на часы. – Время у нас есть. Я знала, что с первого раза мне вас не уговорить. Что ж... Давайте расскажем друг другу свои биографии. Может быть, тогда между нами возникнет

Взаимопонимание...

Мечта Ульяны

В детстве она мечтала выйти замуж по любви. Как и все девочки, воображала себя Принцессой и плакала, когда в советском еще мультике «Золушка» принц надевал на крошечную ножку своей избранницы волшебную туфельку, отчего замарашка на глазах преображалась. Нет, только по любви! И чтобы на всю жизнь, до самой смерти...

Ульяне хватило двух месяцев, которые она прожила в столице, чтобы понять: Принц обязательно должен быть с московской пропиской. У девчонок, с которыми она жила в общежитии, впрочем, как и у всех провинциалок, приехавших покорять Москву, это была идея-фикс. Если подружка знакомилась с парнем, у нее в первую очередь спрашивали:

– Москвич или нет?

В зависимости от ответа либо начинали завидовать, либо сочувствовать:

– Не расстраивайся. Может быть, еще повезет?

Уля Антонова была красивой и знала это. Красота ее сразу в глаза не бросалась, не обжигала, не поражала воображение, зато распределилась равномерно, начиная с головы, которую украшали хоть и тонкие, но зато пышные белокурые волосы, и заканчивая ногами, не слишком длинными, зато стройными. Не маленькая и не высокая, не анорексичка, но и не пышка, все складненько, или, как с откровенной зави-

стью сказала одна из подружек Ульяны, «косточка к косточке». Единственная претензия к матери была: почему Ульяна, а не Юлия? Юлия Антонова звучало бы гораздо лучше.

Поэтому, представляясь, она мямлила, говорила тихо, и получалось нечто среднее между «У» и «Ю», так что некоторые, не расслышав, звали ее Юлей. Ульяну это устраивало.

Парней у нее было много, но все почему-то не москвичи. Ульяна не могла это объяснить: знакомились с ней часто, на дискотеке, на улице, в метро, в автобусе, да где только угодно, но почему-то только приезжие или такая же лимита. Студенты и командировочные. Еще так называемые «гости столицы». И все они почему-то принимали ее за москвичку. Нет, они не прекращали отношения, когда Ульяна говорила, что сама лимитчица, но мелькнувшее во взгляде (да хоть на секунду!) сожаление, она не забывала никогда. И не прощала, разрывала отношения сама.

На третьем курсе она все же влюбилась. В такого же студента, провинциала. Парень был из простой семьи, родители без высшего образования, не начальники, не торгаши, сидящие на заветном дефиците, но зато они изо всех сил трудились над своей мечтой: чтобы у Максима оно, это образование, было. Регулярно переводили сыну деньги, отправляли посылки со здоровой деревенской едой, часто звонили и писали заботливые письма. И Максим старался изо всех сил. От природы он был очень способным, легко освоил английский, всерьез занялся наукой. Он говорил Ульяне, что соби-

рается поступать в аспирантуру.

Их любовь была взаимной. Максиму даже имя ее нравилось. Он называл ее «моя золотая пчелка» и гладил по волосам, которые и в самом деле были медового оттенка. Узнав же, что она не москвичка, он только обрадовался.

– Здорово! Ну их, этих москвичек! Носятся со своей пропиской, как с каким-нибудь сокровищем! Сами всего добьемся, и прописки тоже.

Ульяна видела, что он сказал это искренне, без всякой задней мысли. Максим никогда не искал выгоды, он был на удивление чистым и честным.

У Ульяны было ощущение, будто Максим – ее вторая половинка. Одна только проблема: не москвич.

«Аспирантура, ну что аспирантура? Времена наступают смутные, эта наука никому не нужна. Будет получать гроши, даже на съемную квартиру не хватит. И где мы будем жить? На что?»

Воодушевленный любовью Максим обещал подарить ей весь мир.

– Вот смотри, – говорил он, раскручивая глобус. – Вот здесь мы будем жить... А вот сюда ездить отдыхать, – его палец упирался в Атлантику. – На эти сказочные острова...

Ульяна тяжело вздыхала: это всего лишь мечты. Если они с Максимом все же поженятся, им придется уехать назад, в провинцию, либо к ее родителям, либо к его. Обе семьи готовы принять молодоженов, потенциальные свекор со свекро-

вью ничего не имеют против выбора сына. Они очень добрые люди. Добрые и отзывчивые. Жаль, что не москвичи.

С Максимом Ульяна встречалась два года. Она все никак не могла решиться. Уезжать обратно в родной город ей ох как не хотелось. Ульяна знала, что ничего хорошего ее там не ждет, достойной работы нет, придется соглашаться на любую, а жить с родителями. Даже с такими хорошими это все равно не сахар, хочется иметь свое гнездо, а квартиры больше не дают, на жилье теперь надо будет заработать. А где? Как? Максим помается годок-другой на ненавистной работе, которая гораздо ниже его возможностей, да и сопьется, как многие неудачники. А что тогда будет с ней?

– Когда мы поженимся? – настаивал Максим. – Я хочу, чтобы мы жили вместе! Ну, сколько можно просить подружек сходить на пару часиков в кино?

– Фу! Он же не москвич! – презрительно говорили эти подружки. – Нищеврод! Могла бы себе получше найти! Уж ты-то! Вся такая... – и они многозначительно разводили руками.

Лишь совершив главную в своей жизни ошибку, расставшись с Максимом, Ульяна дала себе слово отныне не слушать ничьих советов, жить собственным умом. Но главное подружкам удалось: жизнь Ульяне они сломали.

На последнем курсе ей подвернулся Жорик Схованский. Он и тогда уже выпивал, но зато москвич!

– Смотри, не упusti! – подмигивали подружки.

Жениться Жорик не очень-то и хотел. Ульяне пришлось приложить все силы, чтобы добиться этого. Буквально за месяц до получения диплома она забеременела. Жорик, который всегда был трусом, растерялся.

— Надо у мамы спросить, — со вздохом сожаления сказал он: не повезло, мол, девка залетела! И повез Ульяну знакомиться с родительницей. Его отец ушел в другую семью, но алименты платил исправно и взрослому сыну продолжал помогать, регулярно давая деньги.

Жорик вообще был везучим, деньги сыпались на него, как из ведра, хотя он не прилагал к этому ни малейших усилий. И так было всю его жизнь.

Встречи с его матерью Ульяна боялась так, что дрожали колени, а во рту было сухо. Ее постоянно тошнило: начался токсикоз. Ульяна опасалась, что ее унизят, начнут оскорблять, откажут в прописке. Они ведь с Жориком еще не женаты. Все зависит от его матери: признает ли она Ульяну? А вдруг на примете уже есть невеста, москвичка?

Войдя в прихожую двухкомнатной хрущобы, Ульяна еле разглядела маленькую, сухонькую женщину, пока та не кинулась ей навстречу. А потом вдруг обняла и, крепко прижавшись, прошептала:

— Дочка...

Ульяна растерялась и... заплакала.

Вот так и начались ее несчастья. Ибо с Жориком она бы рассталась легко, но только не с его матерью. Та была на седь-

мом небе от счастья. Сноха! Внук! СЕМЬЯ! И это после того, как ушел муж, после двух месяцев в больнице, после всех страданий!

– Я уж и не рассчитывала его пристроить, – разоткровенничалась как-то Мария Федоровна, рассказывая о единственном сыне. – Непутевый он. Ты уж, дочка, его не бросай.

В первый раз Ульяна захотела развестись сразу после свадьбы. Жорик бурно отмечал потерю свободы со своими друзьями, а их у него было великое множество. Сначала Ульяна презрительно называла их собутыльниками. Но потом поняла, что ошиблась. Потому что именно эти люди помогли Жорику Схованскому поднять бизнес.

«Бутылочная» дружба оказалась крепкой. Иной раз люди серьезные, не злоупотребляющие алкоголем и рассудительные не могут добиться того же, что и пьющие. Не употребляешь, а причина? Если болен, как с тобой иметь дело? Вдруг да в больницу загремишь в самый неподходящий момент? Не пьешь по убеждениям, значит, презираешь тех, кто пьет. Опять же, как с тобой иметь дело? Презираешь, значит, ки-нешь. Логика простая.

За накрытыми столами легко сходить с нужными людьми, ведь считается позором не ответить на гостеприимство, проигнорировать хлебосольство. Причем Жорик закатывал пиры без всякой задней мысли, он, похоже, вообще ни о чем не думал. Но на первую же мойку Схованского все его друзья посылали своих друзей и родственников, грошо-

вую рекламку Жорика никто не выбрасывал, все подсовывали кому-то, подмигивая:

– Мировой парень! Не пожалеешь!

В ту первую неделю свежеиспеченный супруг ночевал дома два раза. Ульяна все глаза проглядела, глядя в темное окно, на пустынную улицу, в круг тусклого света от одинокого фонаря.

– Не беспокойся, придет он, – утешала свекровь.

Именно она и остановила Ульяну, когда та собралась в загс, подавать заявление о разводе. Встала в дверях и расставила руки:

– Не пущу! – И еле слышно: – О ребенке подумай.

Отец из Жорика получился такой же плохой, как и муж. Нет, сыном Схованский гордился, но при первых же его криках, когда у ребенка начинались колики или резались зубы, стремился улизнуть из дома.

– Я деньги зарабатываю! – выкручивался он. – У меня бизнес!

А бизнес его процветал. Когда муж подsunул Ульяне первые финансовые документы, небрежно бросив «ты же умная, разберись», она поначалу испугалась.

– С Гришей я посижу, учись, – тут же поддержала ее свекровь.

Ульяна пошла на бухгалтерские курсы. Потом заочно окончила юридический институт. Почти в совершенстве выучила английский. На эти курсы она ходила вместе с подрост-

шим Гришей, даже не подозревая, ЧЕМ все это для нее закончится.

За всеми этими хлопотами – учеба, сын, болезни свекрови – Ульяна проморгала главное. Она не стала собственницей, позволила мужу все оформить на себя: новую квартиру, бизнес, загородный дом... Сам бы Жорик до этого не додумался, но друзья... Ох уж эти друзья с их советами! Сначала жизнь Ульяне сломали подружки со своим «надо выходить только за москвича». А доделали начатое друзья Жорика, которые его постоянно науськивали: «Какая-то она не такая. Никогда с нами не посидит. Не любит тебя, сразу видно. Все равно разведешься, записывай все на себя. Сын захочет – позаботится о ней».

Ульяна так и думала: все равно все достанется их сыну. Поэтому и не сопротивлялась. Гриша был для нее всем, так же, как и для свекрови. Свет в окошке. И пошел парень характером не в отца, а в мать. Вдумчивый, серьезный, легко усваивающий науки. Особенно давались ему математика и языки.

Денег становилось все больше и больше, и на семейном совете было решено, что сын будет учиться в колледже, за границей. Английский он знал прекрасно, да и учиться любил. Ульяна так гордилась сыном, что опять-таки проморгала подстерегающую ее опасность.

Гриша уехал. Сначала он, как и положено, скучал. Потом у него появились друзья, девушка. То, что она иностранка,

Ульяну не беспокоило. Напротив, она страшно гордилась. Сын-то! Не в отца пошел, который техникум еле одолел! Вон как старается! Гриша по-английски говорит лучше, чем по-русски! И спиртного в рот ни капли не берет!

Беда грянула, когда Гриша окончил колледж. То есть никакая не беда для любого другого человека: Григорий Схованский решил продолжить свое образование в Америке. Вместе со своей девушкой, которую европейские дипломы почему-то не привлекали. Ни Сорбонна там, ни даже Кембридж. И они уехали. В Америку. Но для Ульяны это был удар. Свет в ее окне погас, и наступил мрак. Она и Жорик Схованский вдвоем, под одной крышей.

К тому времени свекровь умерла, и Ульяне даже некому было пожаловаться. Ведь отныне она была обречена на одиночество. Жорик лишь отмахнулся:

– О! Подумаешь! Вавка, это же класс! Мой Гришка станет американцем! – и он заржал.

Теперь Ульяна видела сына только по скайпу. Она дала себе слово не плакать. От мечты ее отделял океан. Потому что теперь у нее в Америке был не только сын.

Как-то, зайдя на Одноклассники, Ульяна решила поискать там Максима, свою первую любовь. А вдруг? К ее удивлению и радости, нашелся он быстро.

Максим теперь жил в Америке, работал при Массачусетском Университете. Наука, которой он занимался, в России не получила ни признания, ни финансовой поддержки, зато

в США Максима просто с руками оторвали. Он получил все, что хотел: лабораторию, гранты, прекрасный дом.

«Он ведь обещал подарить мне весь мир, – с грустью думала Ульяна, рассматривая фотографии. – И он бы слово свое сдержал. А я, дура, не поверила!»

Ей хотелось выть от тоски. Как же она прогадала! Столько лет прожила с нелюбимым мужем, с алкоголиком, терпела унижения, мучилась, страдала. Хотя могла бы быть счастлива, послушай она тогда свое сердце, а не подружек. Она хотела было написать Максиму, но потом одумалась. И с чем она объявится? Замужняя, а если разведется с Схованским, то почти нищая. Подаяние пришла просить: милый, хочу к тебе в Америку! А ведь уже не первой молодости, одной красотой не заманишь, она, красота, далеко уже не та. Волосы потемнели, глаза потускнели. И смеяться Ульяна давно уже разучилась. А ведь Максим так любил ее смех! Что будет, когда он увидит ее такой?

Ульяна решила подождать. У Максима на страничке видно, кто заходил. Ульяну трудно не узнать, одно имя чего стоит. Имя редкое. Захочет – сам напишет. Но Максим молчал. Ульяна меж тем не увидела у него фотографий жены и детей. Ее мучило любопытство: неужели он так и не женился? Или не хочет показывать семью? Но причина должна быть? Вдруг он развелся?

Часами Ульяна сидела, обхватив голову руками: ну, почему?! За что?! Самой развестись смелости не хватило? Уж

сколько раз она порывалась пойти в загс!

– Ради Гриши, – умоляла свекровь. И тихо добавляла: – И ради меня... Если ты уйдешь, я умру.

Это была правда: Мария Федоровна тяжело болела. Жорику на это было наплевать, едва почувствовав тревогу за мать, он шел в кабак или к своим многочисленным друзьям, а те утешали так, как они могли утешить: выпивкой.

Смерть подошла к Марии Федоровне совсем близко, когда уехал Гриша.

– Теперь ты его бросишь, моего Жорика, – говорила она, и в голосе ее была безнадежность.

Ульяна, стиснув зубы, молчала.

«Вот если бы он умер, – думала она о муже. – Как бы нам было хорошо вдвоем! Он, а не мама. Так нет же! Хорошие люди умирают, а таким, как Схованский, ничего не делается! Ну и где, спрашивается, справедливость?»

Свекрови было так плохо, что Ульяна и помыслить не могла о разводе. Ведь эта женщина, вторая мама, столько для нее сделала! Вместе они держались, и держались неплохо, не давали Жорику скатиться в пропасть. Да, он пил, но на работу ходил исправно, когда требовалось, мог собраться, да и себя не запускать.

Когда мать умирала, Жорик был со своими друзьями, что-то там отмечал. Праздников у него было столько, что он не успевал просыхать. У постели умирающей сидела лишь Ульяна. И тут она почувствовала, как последним усилием

свекровь сжала ее руку и прошептала:

– Прости меня, дочка...

Господи, она все понимала! Понимала, на какие муки обрекает ту, которую искренне любила, можно сказать, боготворила! Но все же материнская любовь оказалась сильнее. Пока была жива, Мария Федоровна семью для сына сохранила.

Именно в этот момент Ульяна твердо решила Жорика убить. Он этого давно заслужил: смерти. Да что там! Он заслужил публичной казни! Четвертования! Того, чтобы с него, живого, сдирали кожу!

Жорик постоянно ее попрекал:

– Дома сидишь, не работаешь.

Он словно не замечал того, что делает Ульяна для их бизнеса. Сначала она думала: просто помогу. Отвечу на звонки, переведу инструкцию, характеристики нового товара, сочиню рекламу. Со временем люди стали охотно покупать дорогие машины, и обслуживание для них тоже требовалось элитное. Жорик давно уже облизывался на лакшери-сектор. Сам он машины менял постоянно, хотя за рулем все чаще была жена. Ульяна уже со счета сбилась в этих «лэндкрузерах», «таурегах» и «порше». Каждый год – новая тачка. Из салона, свеженькие, Жорик не брал, доставал любимые игрушки по каким-то там своим каналам, задешево, и так же продавал, едва машина успевала ему надоесть.

Схованский гонял жену по своим поручениям так, как не

гоняют наемных работников. Жена ведь не откажет. Ульяна постоянно была на подхвате и с той же регулярностью подвергалась унижениям и оскорблениям.

«Я прекрасно справлюсь со всем и без Жорика, – думала она. – Или продам бизнес. И уеду в Америку».

Это приходило ей на ум все чаще и чаще. Уехать к сыну и к тому единственному, которого она действительно любила. К Максиму. Явиться перед ним не нищенкой, а состоятельной дамой. Успешной, свободной. И – ни слова о прошлом, о том, как несчастлива она была в предыдущем браке. Просто, мол, созрела для новых отношений. Ульяна не хотела, чтобы ее жалели. Только не Максим! Почему-то думалось, что, напиши она ему сейчас, он скажет: ну что, прогадала? Сколько раз пожалела, что мне отказала?

«Всю жизнь, – твердила про себя она. – Я жалела об этом всю жизнь...»

Америка... Это и была ее мечта. Страна, где жили Гриша и Максим, или Грег и Макс. Ибо сын давно уже именовал себя: Грегори Сховански. Она бы тоже не прочь стать Джулией.

Там, в Америке, можно все начать сначала, с чистого листа.

Ульяна стала часами просиживать в Инете, изучать сайты, где торговали заграничной недвижимостью. И даже написала в несколько агентств. Теперь ей регулярно присылали заманчивые предложения. Не хотели бы вы, госпожа Антонова, приехать посмотреть квартиру в Майами? А апартамен-

ты? Фото оных прилагались. Ульяна намеренно вернула себе хотя бы в этой переписке девичью фамилию. Что сам Жорик, что фамилия, присвоенная Ульяне в законном браке, были ей одинаково противны.

Да будь ее воля, она полетела бы в Америку как на крыльях! Прямо сейчас! Но разве Жорик ее отпустит? Разве даст денег? Она как-то заикнулась о том, что неплохо было бы жить рядом с сыном.

– Чего?! Очумела, что ли? – вытаращил на нее глаза Схованский. – У меня здесь друзья, бизнес. Захочет – сам придет.

Ульяна подозревала истинную причину: Жорик боится, что сын упрячет его в лечебницу для алкоголиков. Там, в Америке, сделать это будет гораздо проще. Гриша умный, и законы он знает, а Жорик по-английски, кроме «о'кей», ни слова. Разумеется, сын примет сторону матери, а на отца-скандалиста мигом найдет управу. Стоит только Жорик по своей давней привычке накричать на жену и начать ее оскорблять. Да никогда Жорик не поедет в эту Америку! Что он, дурак?

Оставалось одно: избавиться от мужа. И как можно скорее, пока она, Ульяна, еще не состарилась. Она ведь может родить ребенка и Максиму. Пока еще может. Но надо поспешить...

Два метра в секунду

– Да, – вздохнул Хорьков, выслушав ее, – печальная история.

– Ну а вы почему женились на Розалии? – спросила в свою очередь Ульяна.

– Э! Это долго рассказывать! – махнул он рукой. – А время нас поджигает. Если жена вернется и не найдет меня в номере... Ужас, что будет!

– Но вы же сказали, что у нас есть три часа!

– Лучше подстраховаться и прийти пораньше, – с опаской сказал Юлий. – Вдруг да что-нибудь отменят? Педикюр там, или душ Шарко.

– Как же вы ее боитесь! – не удержалась Ульяна.

– Боюсь, – признался Юлий. – Я много боюсь, но большего всего – свою жену. И человека убить тоже боюсь. Очень. Поэтому, извините... – он развел руками и, поднявшись, стал аккуратно складывать полотенца.

– Ну хорошо, – сдалась Ульяна. – Я сделала вам предложение, ваше право, принимать его или нет, – она постаралась скрыть свое разочарование. – В конце концов, у нас еще есть время. Но до отъезда вы должны мне дать ответ. Если все же скажете «нет», я срочно начну искать кого-нибудь другого.

– Вы и в самом деле можете убить мою жену? – с интересом спросил Юлий, собрав пляжную сумку.

– Да, – отрезала она. – Могу. Не обязательно ведь нападать на человека с ножом. Есть много других способов, бескровных.

– Тоже дадите ей клофелин? – не унимался Юлий. Видимо, его зацепило.

– Нет. У меня его, во-первых, не так много, во-вторых, не стоит повторяться. Два отравления клофелином – это уже статистика. И в такой короткий период. Это сразу поставит нас под удар. Надо искать другой способ, клофелин – это для меня. То есть для Жорика. А вам, не сомневайтесь, я что-нибудь подыщу. Если вы решитесь.

– Да, вы умная, – с уважением сказал Юлий.

– Я же говорю, что прочитала много детективов. Я давно к этому готовлюсь. Ошибок можно избежать, если все тщательно продумать. Далеко не все убийцы попадают. Даже маньяки орудуют годами. А нам и надо-то убить всего двух человек: моего мужа и вашу жену. Потом я уеду за океан, а вы... Получите свободу и делайте с ней что хотите!

– Как-то это все... – передернулся Юлий. – Ну, звучит жутко... Убить...

– Ничего, привыкнете. – Она встала. – Пойду окунусь.

Когда она вернулась, Юлия на пляже уже не было. Ульяна не теряла надежды. Конечно, такое предложение надо тщательно обдумать. Это вам не мобильник выбирать. И потом: ей еще надо придумать, как убить Розалию. Надо убедить Хорькова, что это будет сделать легко, и обеспечить ему али-

би.

«Что такого должно случиться, чтобы он созрел?» – думала Ульяна, вытираясь полотенцем. Но события последующих двух дней показали, что после стольких лет Фортуна явно повернулась к ней лицом.

...Съездить еще куда-нибудь на экскурсию Жорик категорически отказался.

– Хватит, – отрезал он. – Могу я отдохнуть?

«Ты и так всю жизнь отдыхаешь. От проблем уж точно», – с неприязнью подумала она. Но благоразумно промолчала. На ее электронной почте было новое письмо. Этот дом Ульяна сразу понравился. Она глаз не могла оторвать от фотографий.

«Дом моей мечты», – с тоской подумала она, глядя на увиденные плющом белоснежные стены. Изумрудный газон украшали вазоны с яркими цветами. На центральной клумбе пышно цвели розы. В доме было четыре спальни, на первом этаже огромная кухня и гостиная... Гараж на две машины... Но стоил он, этот дом! Мама не горюй!

«Хорошо бы жить здесь с семьей, – мечтала Ульяна. – Гриша с женой, их дети... Может, и Максим бы согласился. Ведь до его работы недалеко».

Она намеренно выбирала дома там, где жил ее любимый.

– Почему мы не трахаемся, Вавка? – услышала вдруг она и вздрогнула от неожиданности.

– Прости, что? – спросила она у мужа, который сидел

на кровати и почесывал объемный волосатый живот. Какой секс?! Он шутит, что ли?!

– Ты кто есть? Моя жена! И я тебя, между прочим, содер-
жу! Сказал: ложись, должна тут же лечь и раздвинуть ноги!

– Я думаю, дорогой, что ты не в форме, – начала отнеки-
ваться она.

Интимных отношений у них давно уже не было, с чего это
Жорика вдруг пробило?

– А я хочу! – заявил он, словно капризный ребенок. И
потребовал: – Иди сюда!

«Да я лучше умру», – подумала она и услышала:

– Не хочешь, значит? Так и есть: у тебя трахаль! Причем
он здесь, в этом отеле! Я знаю, чем ты занимаешься, пока
я отдыхаю после обеда! К любовнику бегаешь! Тебя, между
прочим, видели!

– Кто меня видел? – холодея, спросила она. – Где?

– Видели, как ты на пляже разговаривала с каким-то му-
жиком!

«Господи, у него и здесь нашлись приятели-собутельни-
ки, которые меня заложили!» – с отчаянием подумала она.
Вроде бы на пляже никого из соотечественников не было. А
вдруг Жорик блефует?

– Меня с кем-то перепутали, – попыталась выкрутиться
Ульяна.

– Как же! Перепутали! Не пудри мне мозги! Самая умная,
да?

– Не понимаю, о чем ты. У меня никого нет. Никакого любовника.

– Я все равно узнаю, кто это! – пригрозил муж.

– Знаешь, милый, я и в самом деле соскучилась. – Расследования ей не хотелось. А если Жорик узнает, что она разговаривала с Юлием, и непременно доложит об этом Розалии Карловне? Ульяне тошно стало от одной только этой мысли. Потому что это все, конец. – Мы же с тобой на отдыхе. Романтики хочется.

– Да? – подозрительно спросил Жорик. – Тогда иди сюда!

– Давай сначала выпьем. Я шампанского, а ты виски. Пусть все у нас будет романтично.

«Либо он напьется и отключится, либо напьюсь я, и мне будут безразличны его прикосновения», – подумала она, заказывая в номер бутылку шампанского и фрукты.

– Это дело! – довольно сказал Жорик. – Всегда бы ты была такая покладистая!

Ульяне противно было с ним пить, и она давно уже этого не делала. Жорик, само собой, обижался. Но сегодня у нее не было выбора. Они устроились на балконе и открыли шампанское.

Дальнейшее Ульяна помнила смутно. Да и хорошо. Жорик пыхтел, сопел, наваливался на нее своим огромным животом и дышал в лицо виски. Слюнявил ее рот своим ртом, тискал грудь, шарил потной рукой между ног. Хорошо, что она выпила целую бутылку шампанского! Иначе она бы не

выдержала и убила бы его тут же. Вроде бы у него что-то получилось. Во всяком случае, наутро он был очень горд собой. А за обедом, подмигнув обслуживающему их официанту, ткнул пальцем в Ульяну, направляющуюся к столу с десертом, и сказал:

– Видишь? Это моя баба! Красивая, да? – Официант молча кивнул. – А я ее трахаю!

«Я больше не могу... – с тоской подумала Ульяна, у которой голова раскалывалась. – Мне только спиться не хватало! Если он еще хоть раз потребует, чтобы я выполнила супружеский долг... Лучше утопиться!»

Ей было так тошно, что она не сразу заметила воинственную Розалию, а рядом с ней поникшего Юлия. Только когда они с Хорьковой оказались вместе у лотков с мороженым, до Ульяны дошло: Розалия Карловна хромает!

– Господи, что случилось? – с притворным сочувствием спросила Ульяна у женщины, которую вчера пообещала ее мужу убить.

– Они меня искалечили! – торжествующе сказала Хорькова и погрозила клюшкой проходившему мимо официанту. – Убийцы! Я так и знала, что этим закончится! Ужасный отель! Отвратительные экскурсии! Нерадивый персонал!

– Массаж ракушками? – Ульяна не сразу сообразила, что проговорилась, но Розалия Карловна этого не заметила.

– Нет, педикюр! – сказала та. – Всего лишь педикюр! Как я могу доверить себя ихнему массажисту, если они даже эле-

ментарный классический педикюр не умеют делать!

Хорькова так и сказала: ихнему. Накладывая себе мороженое, Ульяна выслушала эту душераздирающую историю. Оказывается, вчера во время педикюра девушка из СПА-центра слишком энергично орудовала пилкой, в результате чего чуть-чуть содрала кожу со священной пятки Розалии Карловны Хорьковой. Увлечлась, спиливая копыта, Ульяна еще на яхте обратила внимание, что ноги у Хорьковой запущенные, сплошные натоптыши и мозоли.

– Всего лишь царапина, – уныло сказал Юлий. – Я бы тебе посоветовал, дорогая, заклеить ее пластырем, потому что бинты не дают ноге дышать.

– Пластырем?! – взывала Розалия. – Такую рану?! Да я ни одну свою обувь надеть не могу!

В самом деле, на одной ноге у нее была босоножка на тонких ремешках, а на другой – белый, то есть уже грязно-белый, тапок из СПА, без задника, с перемычкой между двумя пальцами. Та ступня, что в тапке, была перемотана бинтами, сквозь белизну которых пробивалось бурое пятно: йод.

– Я вижу: случилась трагедия, – с иронией сказала Ульяна.

– Вот именно! Сегодня мы с Юлием должны были осматривать акрополь! А вместо этого я сижу в душном номере и даже не могу искупаться!

– Морская вода, дорогая, непременно залечит раны, – уныло сказал Юлий, которому до смерти хотелось на пляж. Сегодня вода была гораздо теплее, а плавал он прекрасно и,

как заметила Ульяна, море очень любил.

– Я знаю, что ты мечтаешь о моей смерти, – тут же осадил супруга мадам Хорькова. – Хочешь, чтобы я получила заражение крови, потому и тащишь меня на пляж. Там сплошная грязь и антисанитария! Нет уж, до самого отъезда мы будем сидеть в номере! А эти убийцы мне за все заплатят! – она вновь погрозила клюшкой теперь уже метрдотелю. – Они мне сполна компенсируют пропущенную по их вине экскурсию!

– В самом деле так серьезно? – тихо спросила Ульяна у Хорькова и взглядом указала на забинтованную ногу его жены.

– Да там смотреть не на что! – в сердцах сказал тот, воспользовавшись тем, что Розалия отошла к соседнему столу за хлебом. – Пара капель крови. Но она так кричала...

– Представляю себе!

– Теперь я сижу в номере и под ее диктовку строчу жалобы. Только что у нас был врач. В довершение ко всем бедам Розалии сказали, что ее случай не страховой.

– Господи! Несчастные! Да она их порвет!

– Сейчас мы пообедаем и пойдем звонить консулу, – кисло сказал Юлий. – Я даже боюсь предположить, чем все это закончится...

– Юлий! Ты где?! Сюда, немедленно! – зычно скомандовала Хорькова. – Не оставляй меня одну ни на минуту! Ты же видишь, какие несчастья со мной приключаются! Кста-

ти, милочка... – она цепким взглядом окинула Ульяну. – Вы ведь прекрасно знаете английский! Вы мне понадобится в качестве переводчика, – бесцеремонно сказала Хорькова, даже не спросив согласия у самой Ульяны.

«Ну что, довольны?» – взглядом спросила она у Юлия. Тот выразительно пожал плечами: а куда деваться?

Ульяна прикинула, что если согласится помочь Хорьковой, то, во-первых, у них с Юлием появится возможность еще не раз переговорить об их деле, а во-вторых, Жорик больше не будет донимать своей ревностью. И секса с ним удастся избежать. В-третьих, общаясь с Розалией Карловной, можно узнать о ней много интересного. И придумать еще одно идеальное убийство.

– Я с удовольствием окажу вам посильную помощь, Розалия Карловна, – сказала она.

– Тогда идемте звонить консулу! – скомандовала Хорькова.

Пробыв в ее номере всего два часа, Ульяна почувствовала себе так, будто из нее выпили два литра крови, не меньше. Розалия Хорькова оказалась чудовищной эгоисткой. Именно так: чудовищной. Она всерьез считала, что мир вращается вокруг нее. Ни разу не спросила у Ульяны, не хочет ли она передохнуть? А пить? Как вообще ее самочувствие? Говорить по телефону пришлось много и долго, соединять с консулом не очень-то и спешили, тем более давать какие-то другие телефоны, по которым можно было бы решить воз-

никшую проблему. Розалия Карловна спихнула все это на Ульяну. Мол, вы юрист, вы и договаривайтесь. О гонораре же за оказанную услугу не было сказано ни слова. Хорькова, похоже, могла говорить только о себе, о своих болезнях и своих собственных проблемах. За два часа Ульяна, сама того не желая, узнала от Розалии Карловны обо всех перипетиях «шмоточного» бизнеса. А заодно где у нее болит и как. Да и о себе Ульяна тоже кое-что узнала. В выражениях Хорькова не стеснялась.

– Мой муж, конечно, бездельник, полное ничтожество, но ваш-то вообще алкоголик! – бесцеремонно заявила она Ульяне. – Вот и подумай сто раз, прежде чем разводиться. Мне по-любому нужен бухгалтер, и Юлий хотя бы спиртного в рот не берет. Мы алкоголь вообще в доме не держим! Ну? Что вы застыли столбом? Звоните!

– Куда? – растерялась Ульяна. – Вам же объяснили, что случай не страховой. И пообещали вернуть деньги за экскурсию.

– Еще бы они не вернули! А моральная компенсация?

– Отель пообещал вам повысить категорию номера. Оставшиеся три дня вы можете пожить на вилле с частным бассейном.

– Юлий! Немедленно собирай вещи! Ты слышал? У нас будет свой собственный бассейн!

Через час Ульяна, нагруженная сумками, тащилась под палящим солнцем к вилле. За ней плелся Юлий с двумя че-

моданами. Носильщика на крохотном грузовичке, развозящем по огромной территории отеля вещи туристов, Хорькова дожидаться не стала.

– Я хочу немедленно увидеть эту виллу! – заявила она.

Сама Хорькова осталась в номере, караулить оставшиеся вещи. За один раз Ульяне и Юлию все унести не удалось.

– Что с ними случится, с вашими сумками? – пыталась вразумить Ульяна Хорькову. – Здесь нет воровства. А втроем мы сможем унести все.

– Как я могу им доверять после этого?! – Хорькова потрясла забинтованной ногой. Ульяна же подозревала, что Розалия Карловна просто не хочет тащиться с сумками по жаре.

Солнце и в самом деле палило нещадно. Был самый пик жары, три часа дня. Это время в жарких странах еще называется сиестой, магазины закрыты, шторы и жалюзи на окнах опущены. Люди прячутся в прохладных помещениях с кондиционерами, а не таскаются по улицам, да еще с поклажей!

– Вот ужас-то! – пожаловалась Ульяна, ставя на землю объемный пакет, чтобы передохнуть.

– Ужас будет, когда вилла Розалии не понравится, – усмехнулся Юлий. – И нам с теми же сумками придется тащиться обратно.

– Такое тоже может быть?! – ахнула Ульяна.

– Когда речь идет о моей жене, может быть все что угодно, – тяжело вздохнул Хорьков.

– Нет, я с вами больше не пойду! Увольте! Сошлюсь на

то, что меня муж ждет.

– Ваше право, – поник Юлий. – Я, кстати, хотел с вами переговорить. Ну... По тому вопросу... – он замялся.

– Неужели вы решились? – с иронией сказала Ульяна. – А я-то думала, это случится, когда мы как следует нагуляемся с тяжеленными чемоданами по этой огромной территории. Кстати, что в них, в этих сумках? Кирпичи, что ли?

– А черт его знает! – Юлий в сердцах пнул тяжеленный чемодан. – Лекарства... Сувениры... Она скупает местные крема и оливковое масло.

– А вы знаете, что есть норма его провоза через границу?

– Только не говорите об этом Розалии! – в ужасе сказал Юлий. – Она ведь заставит меня все лишнее масло выпить!

– Далеко еще? А ну-ка, дайте ключ. Какие цифры на брелоке?

– Похоже, вон там, – кивнул Хорьков на буйно цветущие заросли и сверил номер на ключе с номером ближайшей к ним виллы. – Нумерация идет по возрастающей. Еще метров пятьдесят, не больше.

– Тогда вперед! – Ульяна подняла с земли сумки.

К их удивлению, Розалия Карловна уже была на вилле. Она ходила по огромному номеру, засовывая свой нос повсюду. Обнюхала кофемашину, скептически хмыкнула, увидев в каждой из двух комнат вазу с фруктами и бутылку вина: подумашь, яблоки и бананы! А вином своим пусть подавятся! Хорьковы не пьют! Выйдя на внушительных размеров

веранду, где находился приватный бассейн и два шезлонга, Розалия Карловна не удержалась от восхищенного возгласа, но тут же приглушила свой восторг, проворчав:

– Ну, это еще ничего.

– Как вы здесь оказались?! – спросила Ульяна, переглянувшись с Юлием.

– Меня подвез носильщик. Они-таки прислали человека за нашими вещами! Мы ехали кругом, по обводной дороге. И надо же! Вас обогнали! – хихикнула Розалия Карловна.

– Слава богу! Нам не надо тащиться обратно к вам в номер за сумками! – облегченно вздохнула Ульяна.

– А вот об этом я и не подумала, – озадаченно сказала Хорькова. – Ну, конечно! Там же еще остались наши вещи! Принесите их. Я согласна на эту виллу.

– Как так: вы не взяли сумки?! – возмутилась Ульяна. – Ведь с вами же был носильщик! И вы были на машине! Вы же сами сказали, что боитесь оставить свои вещи без присмотра! Так почему же вы их не взяли?!

– Не считайте меня за идиотку! Конечно, самое главное я взяла, деньги и документы! Вам что, трудно сходить за остальным? Ваш муж сказал, что вы спортсменка. Что ж... Здоровым больных никогда не понять, – ехидно сказала Розалия Карловна. – Все вы, включая моего мужа – чудовищные эгоисты! Если бы вы только знали, что такое боль...

– Я сейчас все принесу, дорогая, – и Хорьков пулей выскочил из номера.

Ульяна поняла, что это знак: беги! Спасайся! Видимо, у Розалии Карловны, как и у Жорика, имелся любимый конек. И Юлий прекрасно знал, что главное – это не дать своей второй половине его оседлать. Иначе начнется истерика.

– Я ее сейчас убью, прямо здесь, в отеле, – сквозь зубы сказала Ульяна, когда они с Юлием вновь оказались на жаре. – Простите, но ваша жена – чудовище!

– Сил моих больше нет, – согласился с ней Хорьков и потрогал мигом нагревшуюся на солнце макушку: – Черт! Кепку забыл!

– Пойдемте, присядем в тени, у бассейна, – предложила Ульяна. – Не у частного, а там, где все сидят, у бара. закажем по коктейлю, передохнем. Иначе я помру.

– А что скажет Розалия, если нас долго не будет? – с опаской спросил Юлий.

– Вилла большая. Розалия Карловна еще с полчаса будет ее осматривать, а потом, я просто в этом уверена, полезет в бассейн.

– Но ее нога! Розалия ни за что не снимет бинты! Она до смерти боится заражения крови!

– Вы так думаете? – с иронией сказала Ульяна. – Нет, Юлий. Ваша жена намеренно не взяла из номера вещи. Она хотела нас выпроводить, чтобы мы не видели, как она будет снимать бинты. Она очень хитрая женщина. Ей доставит особое удовольствие, если мы будем с сумками таскаться по жаре, а она в это время насладится прохладой приватного

бассейна. А вдруг я тоже захочу в нем искупаться? Я ведь это заслужила. Уверяю: Розалия Карловна изыщет с десятков способов, лишь бы я не залезла в священную воду, принадлежащую ей.

– Ну, хорошо, – согласился Юлий. – Давайте присядем ненадолго.

И они свернули к бассейну. Здесь было ненамного прохладнее, но главное, здесь была тень! Вокруг буйно цвели какие-то растения, цветки были огромные, ярко-красные, и, как обратила внимание Ульяна, вечером они закрывались. Но зато эти любители солнечных лучей совсем не пахли. Народу в баре оказалось немного. Юлий взял лежащее на столике меню и вдумчиво принялся его изучать.

– Значит, вы решились? – спросила Ульяна, когда бармен принес им запотевшие высокие стаканы. – Я запишу коктейли на свой номер, не беспокойтесь. Раз ваша жена так уверена, что вы в рот не берете спиртного.

– Спасибо, – Юлий благодарно нагнул голову. – На самом деле я не прочь пропустить стаканчик-другой местного винца, но Розалии категорически противопоказано спиртное. Она ведь на таблетках. Поэтому и я вынужден не пить. Хотя никаких лекарств не принимаю. Но я живу так, как хочет она... – Юлий развел руками.

– Как же вы на ней женились? – не удержалась Ульяна.

– Времени у нас немного, – Юлий тяжело вздохнул. – Но если в двух словах...

Мечта Юлия

С раннего детства ему нравилось все большое. Потому что сам он родился в крохотном городке, можно сказать, микроскопическом, в малогабаритной квартирке, в маленькой семье: мама, папа, я. В детском саду Юлик Хорьков стоял в строю последним, даже за всеми девчонками, так же, как потом стоял последним в школе. И Юлик привык быть крайним. Он намеренно не говорил «последним», хотя думал именно так.

«Я – последний. Последний в очереди за всем, за всеми земными благами. И мне последнему все достанется. Если вообще достанется».

Хорьков понял это чуть ли не с колыбели. У мамы почти не было молока, и Юлий плохо набирал вес. Бог дал ему так мало, причем всего. И ростом обделил, и на таланты покусился, имущества, и того не досталось. Почти никакого. Что такое малогабаритка в городке, который в некоторых документах вообще называли поселением городского типа? Ее ни разменять, квартиру эту, ни продать с выгодой, чтобы жить отдельно от родителей. Ни тебе дачи, ни машины. Родители всю жизнь пользовались общественным транспортом и относились к этому спокойно. Что ж, кто-то должен быть и последним. Самый большой размер ноги в их семье был тридцать девятый. Такие ботинки носил папа Юлика, тоже

человек маленький, как в прямом, так и в переносном смысле. Звали его Кай. Необычные имена – это, пожалуй, была единственная странность семейства Хорьковых. Как люди маленькие, иметь много странностей, а именно больше одной, они опасались.

Что касается имен, все объяснялось просто. Когда в семье Хорьковых родились близнецы, мальчик и девочка, их называли Кай и Герда. Герда так и осталась бездетной, а у Кая родился единственный сын. Маленькие Хорьковы не очень-то любили размножаться. Они старались жить тихо и внимания к себе не привлекать. После появления на свет близнецов Хорьковы словно испугались. Поэтому Герда покорно приняла свою участь: старая дева. Юлий очень любил тетю Герду. Даже больше матери. Это тетя дала ему редкое имя. Отчество «Каевич» не очень-то подходит к традиционным русским именам. Ну и что тут можно придумать?

– Пусть он вырастет большим-пребольшим, – торжественно сказала тетя Герда, нарекая его императорским именем Юлий. А потом не уставала утешать маму Хорькову: – Мальчик непременно вытянется. Так часто бывает: в садике маленький, в начальной школе маленький, а к выпускному вечеру глядишь – на две головы выше папы!

Но Юлий почему-то так и не вырос. На уроке физкультуры он постоянно испытывал унижения. Последний в шеренге мальчиков. Сразу за ним стояла огромная Ленка Обрезова. Вот она точно была на две головы выше Юлия! А то и на

три! Когда они на разминке бежали вокруг зала, Обрезова дышала ему в макушку и орала:

– Хорьков! Лыжню! Раздавлю тебя, клоп!

Огромную Ленку Хорьков жутко боялся и... втайне обожал. Вот бы на ком жениться! И родятся у них близнецы...

Но Обрезова его, малыша, совсем не замечала. Она жила в каком-то своем мире, мире больших людей, о котором Юлий всегда думал с завистью.

Он, ни шатко ни валко, окончил школу и, набравшись смелости, поехал поступать в столичный институт. Институт Юлий выбрал маленький и специальность маленькую, что-то там обсчитывать, какую-то из крошечных, далеко не престижных и не приоритетных отраслей народного хозяйства. Благодаря маленькому конкурсу, а точнее, полному его отсутствию, в институт Хорьков поступил, ему даже дали койку в общежитии. И ооо-чень маленькую стипендию.

Долгое время Юлий Хорьков не жил. Он нищенствовал. На самом деле ему было не тридцать три и не тридцать пять. А все тридцать девять. Маленькая собачка до старости щенок, вот и Юлий выглядел моложе своих лет. И те мучительные годы без Розалии, что он влачил жалкое существование, пытаясь зацепиться за Москву, Юлий вспоминал с содроганием. Он снимал, нет, не маленькую комнату. Угол. Терпел унижения похлеще тех, школьных, когда стоял в строю мальчигов последним. Даже тогда, под пяткой у Ленки Обрезовой, он чувствовал себя больше человеком, чем во время

объяснений со своей квартирной хозяйкой.

Юлий давно уже понял, что единственное спасение маленького мужчины от бесконечных унижений – это большой кошелек. Унылыми голодными ночами, отдав последние гроши за свой убогий угол в Москве, Юлий страстно мечтал о деньгах. Домой ему возвращаться не хотелось. Ленка Обрезова вышла замуж и родила двойню. Увы, не от него, не от Юлия Хорькова. Как сказали родители, от пожарного инспектора. Шумные, пышущие здоровьем отпрыски пожарного инспектора царили теперь на детской площадке, ближайшей к дому родителей Хорьковых, и при мысли о том, что придется видеть каждый день их и счастливую Ленку, Юлий в ужасе закрывал глаза. Только не это!

– Хорьков!!! Лыжню!...

Юлий дал себе слово, что продаст душу дьяволу, лишь бы перебраться – нет, не в начало очереди за земными благами. Хотя бы в середину. И дьявол вскоре нашелся. Розалия Карловна подцепила Юлика в супермаркете, наваливая в корзину продукты. В овощном отделе, закинув в тележку пару арбузов, Розалия невзначай прихватила и будущего мужа. Дома, разобрав покупки, она недоуменно всплеснула руками:

– Ой, а это еще что? Откуда? Видать, по акции дали, в нагрузку.

И Юлий, скромно потупив взор, сказал:

– Я согласен. Согласен на все, только не выгоняйте меня из этого рая!

Ибо квартира, в которой он очутился, показалась ему в тот момент райскими кущами. Потому что это была КВАРТИРА! Настоящая, большая, а не какая-то малогабаритка! И в ней царила большая женщина. Почти такая, как он хотел. Да, толстая. Некрасивая. Зато БОЛЬШАЯ!

И Розалия над ним сжалилась: Юлий остался. Но у него сразу же нарисовалась проблема, на этот раз не маленькая, а просто-таки глобальная: теща! Вообще, с того момента, как Юлий Хорьков познакомился с Розалией, ко всем его величинам на глазах стали добавляться нули. Дьявол резвился всюю: ты был недоволен своей участью, Юлий Хорьков? Ты, жалкий маленький человечек, взалкал богатства! Ну, так будет тебе богатство! Весь земной шар, такой огромный, и ты весь его исколесишь и увидишь. Но взамен... Отныне все у тебя будет большое: большое плавание, настоящие деньги, огромная жена и гигантские проблемы.

Почему-то Розалия к Юлику прикипела. Замуж ее никто не брал, она просидела в девках аж до тридцати. Юлий был ощутимо младше, он был намного меньше по габаритам, и если уж и говорил, то очень мало, тихо и редко. Он старался быть незаметным, не соваться лишний раз на кухню, поменьше есть, чтобы не вызывать недовольства, и почаще исчезать из дома. Но даже несмотря на это, теща возненавидела его с первого взгляда.

– Тоже мне, нашла сокровище! – презрительно говорила дочери Ольга Ефимовна. – Плюгавенький, нищий! Не му-

жик, а так... Одно название.

– Не лезьте, мама, не в свое дело! – осаживала ее Розалия, и они тут же вступали в перепалку.

Юлия обсуждали при нем же, обе женщины так орали, что соседи стучали по батареям. И это при том, что и мать, и дочь постоянно жаловались на свои болезни, в доме только и говорили, что о врачах и лекарствах! Но скандалили они как здоровые. Да что там! Кому угодно могли дать фору, забыв про свои болячки и круша в запале столовые сервизы!

Поначалу Юлий, принимающий жалобы тещи на здоровье за чистую монету, втайне надеялся, что та долго не протянет. Поскольку Розалия была занята своим бизнесом, то зять целыми днями возил Ольгу Ефимовну по больницам, терпеливо сидел с ней в очередях, таскался по многочисленным кабинетам, собирал анализы, а вечером выслушивал бесконечные упреки. Под видом проявления заботы Хорьков с пристрастием допросил всех тех врачей, кто пользовал его тещу. Кстати, девичья фамилия Розалии Карловны была довольно странная: Выдан. Поэтому она и взяла фамилию мужа. Осталась только одна мадам Выдан, зато какая!

– Ваша мама проживет долго, – утешали врачи Хорькова. – При таком внимании и заботе... Главное – это соблюдать все наши предписания.

И теща соблюдала. А еще бегала по утрам, как она говорила, от инфаркта, регулярно посещала бассейн, фитнес-клуб и, как с ужасом узнал однажды Хорьков, брала уроки танца

живота! Короче, всюду наслаждалась жизнью. Умирать она и не собиралась.

Хорьков приуныл. Он понял, что его кинули. И кинули жестоко. Его постоянно упрекали в тунеядстве, хотя на деле работа Юлия всех устраивала. Да, он получал мизерную зарплату, но зато мог в любой момент с работы уйти, выполнить любой каприз своих женщин, что бы он ни сделал, как бы себя ни повел, его все равно бы никто не уволил. Потому что на его место другого такого дурака еще поискать. И стаж шел. А главное: был повод для упреков. И так было во всем.

Когда встал вопрос, почему у Хорьковых нет детей, оба супруга прошли полное обследование. В результате Юлию сказали, что бесплоден именно он. Хорьков позволил себе усомниться, вспомнив близнецов, и тайно прошел повторное обследование. Он был абсолютно здоров! Но обе его женщины вешали на него всех собак. Ко всем упрекам тещи добавилось еще и это:

– Кругом не мужик! Даже детей иметь не можешь!

А что он мог сказать? Все имущество было записано на Розалию и на ее мать. В основном на мать. Теща подстраховалась, при разводе ненавистному Хорьку, как она называла зятя, не досталось бы ничего, Юлий ведь пришел на все готовое. Он долго и тщательно изучал законы и понял: увы! Придется либо терпеть, либо уползти обратно в свой нищий угол. А к хорошему быстро привыкаешь. Юлий привык вкусно кушать, носить дорогую одежду и не думать о деньгах. Но

время шло, и за пятнадцать лет брака они с Розалией обросли имуществом. Юлию удалось уговорить ее разъехаться с матерью. Господи, чего ему это стоило! Но квартиру они купили.

Это имущество уже было нажито в браке, равно как и дача, две машины, драгоценности жены и банковские счета. Розалия Карловна была бережливой, и хотя каждый день собиралась помирать, это не мешало ей копить деньги на старость. О пенсии она говорила с презрением, зато о домике за границей, где-нибудь у моря, с восторгом. Вот где хорошо бы встретить старость! И медицина там не в пример отечественной. Есть такая замечательная страна: Израиль. Но туда лучше с пустыми руками не соваться. Надо бы подкопить денег.

Юлий, как всегда, молчал, но втайне делал подсчеты. С каждым годом денег на счетах становилось все больше, и сердце у него сладко замирало. Хорьков смекнул, что, если жена вдруг умрет, он станет весьма обеспеченным человеком. Беда в том, что Розалия Карловна умирать не собиралась. Если только несчастный случай...

Юлий попытался к дьяволу подольститься, уговорить его на сделку.

– Признаюсь: я погорячился. Не надо мне все. Отдай мне только половину. Я согласен поделиться со старой ведьмой. Помоги мне, пожалуйста!

Но дьявол был к его мольбам глух. Или почти глух. Мо-

мент триумфа Юлий Хорьков таки пережил. Однажды Розалию положили в больницу, а теща купила путевку в санаторий, и на пару дней Юлий остался один. Его отпустили. И он рванул в родной город. На своей шикарной машине, ибо Розалия содержала его достойно.

И, о чудо! Проезжая по улицам родного города, Юлий Хорьков заметил коломенскую версту, Ленку Обрезову! Он тут же свернул на обочину и резко затормозил. Ленка, онемев, смотрела на франта, выпорхнувшего из сверкающего «мерседеса». Хорьков давно уже одевался исключительно за границей. Покупая вещи на продажу, Розалия не могла не прихватить для Юлика, все размеры которого она знала наизусть, пару костюмов или рубашек. Даже когда сама она перестала мотаться за границу, ее консультанты повинность игнорировать не смели. Юлий Хорьков должен быть одет стильно и с иголки.

– Привет, Обрезова! – небрежно сказал он, поигрывая ключами от машины. – Тебя подвезти?

– Это что, твоя? – кивнула она на «мерседес».

– Моя.

– Говорят, ты неплохо устроился, – с уважением сказала Ленка.

– Не так чтоб очень... – поскромничал он. – Но не жалуясь.

– Загорелый какой! – с завистью сказала Обрезова. Сама она была бледна и сильно располнела. – Когда это ты успел?

До лета еще далеко.

– Только что из Таиланда, – сказал он таким тоном, каким говорят о походе в баню. Да, мол, помылся.

– Ну и как там, в Таиланде? – жадно спросила Ленка.

– На Мальдивах мне нравится больше, – пожал плечами он. – Там сервис не в пример. И виллы пошикарнее.

– Ты и на Мальдивах был?!

– Я много где был.

– Но это же так далеко!

– Я летаю бизнесом, если больше пяти часов. – Розалия и в самом деле не скупилась на билеты в первом классе. – Там очень удобные кресла, почти как кровати. Ну и все включено, само собой.

– Ой, а я все в Турцию собираюсь, да никак не решусь. Боязно, – поежилась Ленка.

Она на глазах сдувалась, а Хорьков все рос и рос. Они уже были одного роста, а еще через десять минут такого разговора Юлий вдруг понял: отпустило! Ленка ему больше не нравилась. Он успел повидать других женщин: холеных, уверенных в себе и при этом одиноких.

На любого мужчину, оказавшегося в том же отеле, за границей, они смотрели ожидающе. Рост и стати во внимание не принимались. Главное не стати, а статус. Если бы только он, Юлий Хорьков, при всем при этом был свободен...

Ленку он подвез до дома, вполуха слушая ее рассказ о жизни родного города. Все это было так мелко, так провин-

циально... С интересом Юлий отметил только одно: из всего класса лишь он выбился в люди. Подробности никому не интересны, важен опять-таки антураж. Он приехал на шикарной машине, прекрасно одет, объездил полмира.

– Кто бы мог подумать! – с завистью сказала Ленка. – В школе ты ничем таким особенным не выделялся. И вдруг Москва! Весь в шоколаде! Все наши только о тебе и говорят. Кстати, денег взаймы не подкинешь?

Юлий поморщился и с сожалением полез в карман за портмоне.

– Сколько тебе? – спросил с опаской.

– Тыщу! – зажмурившись, выпалила Ленка.

Хорьков чуть не рассмеялся: точно, отпустило! Подумать только! Для них тысяча рублей – деньги!

– Может, мужа моего на работу устроишь? – без проблем получив корыто, Ленка решила замахнуться на избу.

– Оставь свои координаты, – небрежно сказал он и записал телефон, по которому не позвонит никогда.

С прошлым было покончено. Отпустило.

Он стал присматриваться совсем к другим женщинам. Разумеется, не в Москве, за границей. Хорьков давно уже смекнул, где надо искать любовницу. Жениться он больше не собирался, еще чего! Делиться ведь придется в случае развода. Уроки мадам Выдан не прошли даром. Шансы свои Хорьков оценивал высоко. Однажды, лежа на пляже, он случайно подслушал разговор трех дам. Это были приехавшие на от-

дых подружки, судя по всему, состоятельные. Маникюр, педикюр, итальянские купальники, модные шляпки... У Хорькова глаз на это был наметанный. Сами женщины были симпатичные, стройные, в возрасте слегка за тридцать. Обсуждали женихов. Как понял Хорьков, две из трех были одиночками.

— ...да какая там очередь?! — громко сказала рыжая. — Посмотрите на меня, девочки! Тут не то что за Сан Саныча, за козла пойдешь!

Цитату из старого, советского еще фильма «Девчата» Хорьков узнал. И, прикрывшись журналом, внимательно рассмотрел женщину, которая ее сказала. Вполне! Все при ней! Вот бы с такой... Он сладко зажмурился.

К интимным отношениям Розалия относилась без энтузиазма, особенно после того, как узнала о своем бесплодии. Юлию, меж тем, не хватало. Все у него теперь было, все блага земные. Кроме секса. Дьявол скорчил гримасу: и как тебе это, Юлий Хорьков? Все у тебя будет, кроме потомства. Даже о страстной ночи любви, без всякого продолжения, ты будешь только мечтать...

И Юлий мечтал... Так мечтал, что просыпался иной раз в мокрых трусах. До смерти боясь свою Розалию, настоящий оргазм, так чтоб без оглядки, не сдерживаясь и ни о чем не думая, Хорьков испытывал теперь только во сне, потому что во сне человек над собой не властен. Юлию снились женщины. Модели. Или почти модели. Главное, безотказные. Он

сладко думал о том, как, получив наследство, уйдет с ненавистой работы. Он ходил туда лишь затем, чтобы передохнуть от общества Розалии. Дачу он будет сдавать или жить там круглый год, а московскую квартиру сдавать. Дача хорошая, со всеми удобствами, в ближайшем Подмоскowie. Денег на счетах полно, есть довольно прибыльный бизнес. И наступит жизнь, полная приятностей. Брюнеток и блондинок.

В своих мечтах Юлий лихо крутил один курортный роман за другим. Ульяну он тоже оценил с первого взгляда. То, что надо! И когда она сама к нему подошла на почти безлюдном пляже, уж было подумал, что...

Разумеется, ей он этого не сказал. Много чего не сказал. Буквально: в двух словах. Но нужное слово вылетело: я согласен...

Пять метров в секунду

– Как выяснилось, у нас много общего, – сказала Ульяна, подписывая счет за коктейли. – Вы тоже не собственник, просто прописаны в квартире. Бойтесь при разводе остаться ни с чем. Что ж... Идемте.

– Да-да, пора, – сказал Юлий, поспешно засовывая в рот жевательную резинку. – Не дай бог, жена почувствует запах спиртного!

– На вашем месте я бы сделала в доме тщательный обыск, – с иронией сказала Ульяна, поднимаясь со стула. – Сдается мне, в укромном месте у Розалии Карловны припрятана бутылочка хорошего коньяка.

– Она же на таблетках! – всплеснул руками Юлий.

– Надо еще проверить, что это за таблетки...

Они направились к главному корпусу, стараясь держаться в тени.

– Она не может заснуть без снотворного. Какой уж тут коньяк!

– Значит, ваша жена принимает снотворное? – задумалась Ульяна.

– Да.

Они подошли к лифту.

– Рецепт есть? – деловито спросила Ульяна, нажимая на кнопку.

– А как же! Ведь это серьезное лекарство!

– Насколько серьезное?

– При желании им можно отравиться.

– Вы хотите сказать, покончить жизнь самоубийством?

– А что, это можно устроить? – жадно спросил Юлий, входя в лифт.

«Еще неизвестно, кто из нас больше жаждет свободы», – мысленно усмехнулась Ульяна, а вслух сказала:

– Увы. Нужна предсмертная записка. Если вы сумеете вытащить ее из своей жены, то остальное – дело техники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.